

Курукин И.В. Эпоха «дворцовых бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762. Серия «Новейшая российская история: исследования и документы» Т. 6. Рязань, 2003. С. 370–408.

ГЛАВА IX 1762: «БЛАГОПОЛУЧНАЯ ПЕРЕМЕНА ОТЕЧЕСТВУ»

Вступил покойный отец мой на престол
и принялся заводить порядок, но
стремительное
его желание завести новое помешало ему
благоразумным образом приняться за оное.

Павел I

1756–1761: «сумбур интриг и переговоров»

Спустя полвека после побед Петра Великого по полям Германии вновь маршировала победоносная русская армия.

*«Пылай, Россия разъяренна,
Греми, рази и не щади.
Карай и кровью обогренна,
Покой в Европу приведи!»*

— приветствовал успехи русского оружия самый известный поэт тех лет А. П. Сумароков. На практике же положение России оказалось не столь выигрышным. Она вступила в Семилетнюю войну как союзник Австрии и Франции в борьбе с Фридрихом II. Его же, в свою очередь, «дипломатическая революция» середины XVIII в. привела к заключению в 1756 г. союза с Англией: в обмен на британские субсидии король соглашался защищать ее интересы и владения (Ганновер) в Германии и получил поддержку планам собственных захватов. Главной пружиной войны стала борьба двух колониальных империй — Англии и Франции — за раздел заморских владений в Ост- и Вест-Индии и Северной Америке.

В марте 1756 г. Конференция при высочайшем дворе определила цели войны: захват Восточной Пруссии для последующего обмена на Курляндию с Речью Посполитой и такого изменения границ с последней, «которым... способ достался бы коммерцию Балтийского моря с Черным соединить и чрез то почти всю левантскую коммерцию в здешних руках иметь».¹ Эта формулировка намечала перемещение центра внешней политики на юг, куда будут направлены усилия министров и полководцев Екатерины II. Однако, таким образом, проблема приведения прусского короля «в умеренные пределы» изначально не предполагала полного разгрома и тем более уничтожения Пруссии.

Но союзники не считали Россию самостоятельной участницей войны и возражали против ее территориальных приращений.² Более того: «Следует опасаться слишком больших успехов русских в этой войне», — инструктировал в 1760 г. французский МИД посла в России барона де Бретейля. Наставление «секрета короля» (тайной дипломатии Людовика XV) указывало послу на желательность династического кризиса в России. Возведение на престол заточенного «князя Ивана» могло бы вызвать смуту, которая была «только выгодна королю, так как она ослабила бы русское государство».³ Рассчитывали в Париже и на профранцузскую «партию» при русском дворе: тайные «пенсии» выплачивались кабинет-секретарю императрицы А.В. Олсуфьеву, секретарю Конференции Д. В. Волкову, жене вице-канцлера М.И. Воронцова; да и сам Воронцов получил на мебель

для своего дворца 250 тысяч ливров (50 тысяч рублей) и взял в качестве «партикулярного» секретаря француза Я. Убри.⁴

В 1760 г. особая русско-австрийская конвенция предусматривала территориальные приобретения обеих сторон (соответственно Силезию и Восточную Пруссию) и их обязательства заключить мир только по взаимному согласию. Однако интересы союзников расходились. Конференция весной 1760 г. признавала, что после занятия Восточной Пруссии можно было бы ограничиться военными демонстрациями и содержанием на чужой территории армии «в хорошем состоянии». Но австрийский двор стремился вернуть отнятую Фридрихом в 40-х гг. Силезию; при этом русскую армию в Вене рассматривали как «помощной корпус» для решения этой задачи. Создавался порочный круг: для России цель войны была достигнута еще в 1758 г., но победное ее завершение требовало совместных действий, а для этого приходилось действовать по австрийским планам: в кампаниях 1759, 1760 и 1761 гг. выбор неуклонно делался в пользу Силезского Театра.

Командующие союзными армиями были связаны исходившими от их дворов указаниями, требовавшими постоянных согласований и переговоров. Переговоры затягивались, военные планы противоречили друг другу; в итоге кампании 1760 и 1761 гг. оказались в стратегическом плане проигранными: союзные войска не смогли ни дать решающее сражение Фридриху II, ни захватить главные крепости Силезии.

Проявились разногласия в окружении Елизаветы. По оценке французских дипломатов, Шуваловы твердо рассчитывали на присоединение Восточной Пруссии, тогда как И.И.Неплюев полагал необходимым обмен этой провинции на восточные территории Речи Посполитой.⁵

Попытки французской дипломатии склонить к миру Россию оказались напрасными. М.И. Воронцов, несмотря на обещанные ему 800 тысяч ливров, передал, что не может воздействовать на императрицу и ее окружение.⁶ На миролюбие канцлера повлияло и печальное состояние российских финансов: по его расчетам, война обошлась России к концу 1760 г. в 40 миллионов рублей, за вычетом стоимости ежегодных расходов на содержание армии.⁷ Найденные нами документы показывают, что эти цифры близки к действительности. По сохранившемуся «валовому щету» Военной коллегии выходило, что все военные расходы за 1756—1759 гг. составили колоссальную сумму в 43409842 рубля. Сюда чиновники включили и «стоимость» российских солдат, навсегда оторванных от своих хозяйств: «За собранных в 1754, 56, 57, 58 и в нынешнем 1759 годах рекрут 231 644 человека положить за каждого только по 60 рублей, то зделает за всех 13 898 640».⁸

Тем не менее императрица была намерена продолжать борьбу «со всею силою и ревностию». Конференция предложила отказаться от бесплодных маршей в Силезию и сосредоточить армию для «диверсий» в Померании и Мекленбурге.⁹ В ноябре 1761 г. был подготовлен «план операций на будущую 1762 году кампанию». Сам этот документ в беломом тексте протоколов Конференции отсутствует, хотя и значится в оглавлении книги.¹⁰ Однако он, несомненно, существовал, ибо на его основе 10 декабря были направлены указы: в Военную коллегию — о доукомплектовании действующей армии солдатами из других полевых и гарнизонных полков и в Сенат — о заготовке провианта на 100 тысяч человек. Через три дня последовал другой указ Сенату: о проведении нового рекрутского набора и покупке для армии лошадей.¹¹ Таким образом, Россия, несмотря на все трудности, была готова к продолжению войны в рамках союзнических обязательств. Но в мире придворных «конъектур» будущее выглядело менее определенно.

Затянувшаяся война нарушила равновесие между придворными «партиями». Последние годы царствования императрицы принесли ей ту же проблему, что и ее отцу: конфликт со взрослым и законным наследником. Петр Федорович не скрывал своих симпатий к Пруссии и уже с мая 1757 г. был выведен из состава Конференции. С другой стороны, болезнь Елизаветы и ее устранение отдел заставляли ее окружение все больше

считаться с намерениями «молодого двора». Появились слухи о возможном отстранении Петра Федоровича от наследства и передаче короны маленькому Павлу Петровичу, в чем подозревали клан Шуваловых. Позднее сама Екатерина сообщала, что «за несколько времени» до смерти императрицы Иван Шувалов предлагал воспитателю наследника Н.И.Панину таким образом «переменить наследство» и «сделать правление именем цесаревича», на что Панин ответил отказом.¹²

Переписка Екатерины с английским послом Чарльзом Уильямсом показывает, что подобные перспективы беспокоили «молодой двор» намного раньше, хотя в ту пору великая княгиня еще не отделяла своих интересов от судьбы мужа. В августе 1756 г. она уже имела готовый план (в письме Екатерины от 18 августа 1756 г.) юридически корректного, но фактически силового утверждения Петра III и себя у власти в случае неожиданной смерти императрицы. Вместе со своими сторонниками — А.П.Бестужевым-Рюминым, С.Ф. Апраксиным и генералом Ю. Г. Ливеном — она должна была войти «в покои умирающей» вместе с сыном, принять присягу караула и, опираясь на пятерых доверенных гвардейских офицеров и «младших офицеров» — лейб-кампанцев вместе с их солдатами, пресечь попытки сопротивления со стороны Шуваловых. Она признавалась, что занимается «формированием, обучением и привлечением разного рода пособников... В моей голове сумбур от интриг и переговоров».¹³

Этот план и переписка свидетельствуют о том, насколько зыбко обстояли дела на российском политическом Олимпе, если законный и утвержденный наследник трона вынужден был втайне вербовать себе сторонников. Кстати, в письмах Екатерины тех лет ее муж выглядит «весьма рассудительным» и способным «ухаживать» за гвардейцами, т.е. далеким от образа ограниченного голштинца, созданного позднее в ее мемуарах.

Вокруг «молодого двора» складывалась своя «партия». Гетман К.Г. Разумовский ручался Екатерине за «свой» Измайловский полк, генерал-прокурор Н.Ю. Трубецкой сообщал о происходивших на Конференции заседаниях, фельдмаршал С.Ф. Апраксин раздобыл «шпионов», следивших за каждым шагом императрицы, а его коллега А.Б. Бутурлин на всякий случай заверял Екатерину в своей преданности.¹⁴ Однако только канцлер А.П. Бестужев-Рюмин с его отчетливыми проанглийскими симпатиями был готов к изменению политического курса и думал при этом не только о себе. Остальные были озабочены прежде всего сохранением собственных позиций при дворе в новое царствование; объединяло их и недовольство могуществом Шуваловых.

Екатерина обсуждала с Бестужевым его план, согласно которому она становилась «соправительницей» императора, а канцлер — президентом трех «первейших» коллегий и командующим всеми гвардейскими полками.¹⁵ Но одновременно она устраивала тайное свидание с шефом Тайной канцелярии А.И. Шуваловым. Его влиятельный брат П.И. Шувалов в августе 1756 г. сообщил Екатерине о готовности ей служить, а сама она писала к нему о «предательстве» Бестужева и желании «броситься в ваши объятия».¹⁶ Одновременно она стремилась получить — и получила — финансовую поддержку не только от своего главного корреспондента, но и от послов Дании и Австрии.¹⁷

Первым в этой ситуации проиграл Бестужев.¹⁸ Подозрения, возникшие в связи с отступлением русской армии из Восточной Пруссии, последовавший за ним арест фельдмаршала С.Ф. Апраксина и обнаружение его переписки с Бестужевым и Екатериной лишили канцлера доверия со стороны императрицы. Однако историки до сих пор не нашли никаких следов предполагаемой «измены» — приказа об отступлении, якобы полученного Апраксиным от канцлера. Кажется, не верили в это и следователи; во всяком случае, пункт об «измене» был вычеркнут из вопросов, адресованных Бестужеву.¹⁹

Зато переписка французских дипломатов свидетельствует о сильнейшем давлении, оказываемом ими на русских министров с целью убрать Бестужева. В начале 1758 г. посол Лопиталь поставил перед вице-канцлером М. И. Воронцовым настоящий ультиматум: в

течение двух недель добиться смещения Бестужева — или с Воронцовым больше дел иметь не будут.²⁰ «Сдал» канцлера и великий князь: он рассказал императрице, что министр советовал ему противиться ее воле.²¹

«Дело» канцлера до сих пор остается загадкой. Еще С. М. Соловьев отметил, что следственные материалы побывали в руках самого Бестужева после его возвращения из ссылки, в результате чего оттуда пропали первые показания обвиняемого. Осталась неизвестной и «священная тайна, о которой никто не может помыслить без ужаса», открытая Бестужевым в исчезнувших протоколах допросов: сохранилось только упоминание о ней в заключении.²² Предъявить же ему смогли только «суетное желание так долго быть великим, как бы он общему всех смертных пределу подвержен не был», и покушение на роль «соправителя».²³ Бестужев виновным себя не признал и отделался сравнительно легко — ссылкой в свою подмосковную деревню.

Падение канцлера упрочило положение его противников — группировки Нарышкиных, по классификации Д. Ле Донна.²⁴ Начало нового тура в борьбе за власть породило и соответствующее предложение: некий Фридрих фон Бонгорст подал в Кабинет императрицы предложение о создании нового гвардейского полка, «состоящего из немецкого дворянства».²⁵ Столь радикальные меры, в духе Анны Иоанновны, при Елизавете уже не годились, и проект остался без последствий.

Летом 1760 г. кадровый состав центрального управления был существенно обновлен, о чем речь уже шла в предыдущей главе. Но сбалансировать успешно действовавший в 40-х — первой половине 50-х гг. механизм власти старевшая и больная императрица уже не смогла. Начавшиеся в конце 40-х гг. реформы в условиях войны и борьбы за власть были свернуты. В очередной раз не было завершено Уложение, не проведен в жизнь указ 1757 г. о передаче управления церковными вотчинами светским властям. Не был реализован и проект И.И. Шувалова о введении в России «фундаментальных и непрременных законов», сохранять которые должен был поклясться будущий император.

Этот документ показывает, что сильнее всего волновало наиболее приближенных к императрице лиц. Половина из предлагавшихся законов посвящена гарантиям господствующего положения православной церкви (в том числе и обязательство православного исповедания самодержцев, их жен и детей), сохранению на 3/4 «православного» состава армии, гвардии и флота и назначению высшей администрации из «здешних подданных». Можно полагать, что все это в глазах И.И. Шувалова уже ставилось под сомнение поведением наследника. Прочие пункты предусматривали 26-летний срок службы для дворян, гарантию владения родовыми вотчинами для родственников осужденного дворянина и освобождение дворян «от бесчестной политической казни».²⁶

Таким образом, к концу царствования Елизаветы можно говорить о некотором оживлении шляхетских надежд. В этом смысле идеи Шувалова перекликаются с мыслями М.И. Воронцова «к рассуждению о вольности дворянства». Однако годы «бироновщины» и придворная «школа» Елизаветы уже заметно ограничили уровень пожеланий: он не поднимался до каких-либо политических гарантий «вольности» в виде новых государственных учреждений или системы представительства. Напротив, в наброске Воронцова заметно, прежде всего, стремление обеспечить «особливые преимущества знатному и старому дворянству пред новым» — например, выделить их «знатные вотчины» в княжества, графства и баронства по пропорции душ подданных.²⁷

Нет в проекте Шувалова важнейшего закона о престолонаследии; отсюда можно предположить, что потребности в таковом «знатное» шляхетство еще не ощущало. Или это был намек на то, что намерения «переменить наследство» не были оставлены? В ноябре 1761 г. секретарь Кабинета императрицы А.В. Олсуфьев озадачил французского посла намеками на негодность Петра Федоровича и плохое отношение к нему со стороны тетки.²⁸ По информации датского посла Гакстгаузена, за неделю до смерти императрицы

обсуждался план объявить императором Павла под «опекунством» великой княгини, а ее мужа назначить генералиссимусом; сам дипломат ожидал «беспорядков» гвардии и черни.²⁹

И все же Елизавета не рискнула изменить ею же утвержденный порядок: в последние месяцы жизни она устранилась от дел и замкнулась в Царском Селе. О настроениях в ее окружении повествует переписка между М.И. Воронцовым и И.И. Шуваловым в ноябре 1761 г. Вице-канцлер желал скорее уйти в отставку; фаворит умолял его не делать этого, но одновременно признавал полный паралич управления: «Все повеления без исполнения, главное место без уважения, справедливость без защищения. Вижу хитрости, которых не понимаю, и вред отлюдей, преисполненных моими благодеяниями».³⁰ Об обстановке тревоги и страха при дворе и колебаниях Шуваловых говорит донесение австрийского посла Ф.-К. Мерси от 31 октября 1761 г.³¹

3 декабря Елизавета еще раз высказала свой «гнев» сенаторам за их «излишние споры и в решениях медлительство» — и слегла окончательно. Как и отец, Елизавета до самого конца гнала мысль о смерти: она распорядилась приготовить ей покои в новом Зимнем дворце к марту 1762 г.³² Возможно, и поэтому никаких неожиданных распоряжений о наследстве не последовало.

Впрочем, если бы такие планы и существовали, фаворит Иван Шувалов при всех своих достоинствах не годился для открытой борьбы за власть, а его старший родственник, на все способный Петр Иванович Шувалов был уже смертельно болен. Но по словам Екатерины, в последние месяцы или даже недели жизни императрицы Шуваловы все же сумели войти в доверие к наследнику при помощи директора Шляхетского корпуса А.П.Мельгунова.³³ Поддержка со стороны Шуваловых — вместе с лояльностью становившейся императрицей Екатерины и усилиями самого Петра по привлечению на свою сторону гвардейских офицеров³⁴ — обеспечила выход из очередной «переворотной» ситуации.

Как вспоминал позднее секретарь Петра III Д. В. Волков, его просили подготовить текст манифеста и присяги еще при жизни Елизаветы. 25 декабря 1761 г. наследник с супругой попрощались с умиравшей, и в половине четвертого вечера она скончалась. Придворный ветеран Н.Ю.Трубецкой первым принес Петру присягу и объявил о начале нового царствования Сенату. Император в Преображенском мундире объехал построенные вокруг дворца гвардейские батальоны и обратился к ним: «Ребята, я надеюсь, что вы не оставите меня сегодня». Гвардейцы радовались: «У нас теперь опять мужчина императором».³⁵ Так триумфально началось новое царствование, которое трагически завершилось уже через несколько месяцев.

Петр III: несовпадение со временем

В учебниках конца XVIII — начала XIX в. образ свергнутого императора выглядел противоречиво. С одной стороны, его правление трактовалось как «ниспровержение» существующих порядков и «совершенное порабощение» страны. С другой — он представал государем с «добрым сердцем» и «благородными чувствами»; он издал манифест о вольности дворянства и упразднил Тайную канцелярию, — но затем «к наивящему России и человечества благополучию ощутил бремя несносное» и добровольно отрекся от престола.³⁶

Начавшаяся с 50-х гг. позапрошлого века публикация источников в подцензурных и бесцензурных изданиях сделала тему открытой для исследования, несмотря на все усилия властей не допускать публичного оглашения неудобных для династии подробностей. Однако лишь немногие работы стремились выдержать академический тон и соблюдать беспристрастность,³⁷ большинство же авторов на основании открывшихся материалов (в

том числе весьма тенденциозных мемуаров самой Екатерины II) выносили Петру III однозначный обвинительный приговор. Не изменился он и в XX в.; пожалуй, только резче подчеркивались ничтожность личности императора с «пруссской ориентацией» и угроза «новой бироновщины».³⁸

Однако с начала 90-х гг. XX в. в литературе наметилось и другое направление, которое можно считать попыткой посмертной «реабилитации» Петра III. А. С. Мыльников отметил веротерпимость как важный фактор политики императора, сопровождавшийся в то же время защитой российских интересов в Курляндии и Речи Посполитой. В очерках В.П.Наумова император предстает личностью, сочетавшей задатки государственного деятеля и великодушие идеалиста-романтика с «маниакально-депрессивным психозом в слабой степени (циклотимией) с неярко выраженной депрессивной фазой». В итоге он оказался «слишком хорошим» для своего времени и, в конце концов, пал под бременем самодержавной власти. Наконец, книга К.Леонард прослеживает все основные направления государственной политики императора и его «коалиции» при весьма скептическом отношении к «российским» источникам, которые оцениваются как заведомо недостоверные.³⁹

Усилиями названных авторов удалось по-иному представить фигуру необычного монарха, освободить ее от коварного обаяния «Записок» его жены-соперницы. Однако нередко симпатии к Петру как человеку в перечисленных работах автоматически переносились на отношение к главе государства без достаточных к тому оснований; в итоге фактов, необходимых для пересмотра сложившихся представлений о режиме Петра III, оказалось все же недостаточно.

Реальная историографическая проблема, послужившая стимулом для «реабилитации», состояла в несовместимости личности императора с тем, что «за полгода в России была осуществлена радикальная социально-политическая реформа, по сути заложившая фундамент под едва ли не все мероприятия следующего царствования».⁴⁰ Отвечая на поставленный вопрос, исследователи отмечали: реформы проводились по «заготовкам» предшествовавшего царствования и теми же лицами — М.И. и Р.И. Воронцовыми, А.И. Глебовым, Д.В. Волковым. В результате возник парадокс: не любивший и не понимавший России император стремился переиначить политику тетки — и в итоге устранял пережитки крепостнически-служилой модели российской государственности.

Однако можно поставить и другой вопрос: почему же «коалиция реформ» вокруг Петра III оказалась столь непрочной, а сам он легко пал жертвой очередного переворота? Ведь в решающий момент поддержка влиятельных «персон» (Н.Ю.Трубецкого, Шуваловых, Воронцовых) обеспечила Петру беспрепятственный переход власти — впервые с 1725 г., если не считать воцарения младенца Ивана III с последующим «свержением» Бирона.

Канцлер Воронцов уже 25 декабря представил монарху предложения: объявить амнистию, «упустить» казенные недоимки, пожаловать треть годового жалования армии и гвардии, скорее заполнить вакансии в гвардии и при дворе, проводить ежедневные заседания Конференции и обновить ее состав.⁴¹ Правда, царь показал характер и исполнил далеко не все из предложенного.

Н.Ю. Трубецкой стал подполковником в первом гвардейском полку — Преображенском. Доверенное лицо П.И. Шувалова А.И. Глебов сразу же сменил Я.П. Шаховского на посту генерал-прокурора. Одним из первых указов в день вступления на престол Петр заменил А. Б. Бутурлина на посту главнокомандующего заграничной армией (был возвращен П.С. Салтыков); П.И. Панин назначался губернатором Восточной Пруссии вместо В.И.Суворова; наиболее ярко себя проявивший на заключительном этапе войны П.А.Румянцев срочно отзывался ко двору: у императора были на него особые виды.

Армия без колебаний принесла присягу, о чем Салтыков доложил уже 8 января. 25, 30 и 31 декабря император подписал указы о повышении в чинах большой группы гвардейских офицеров.⁴² Но уже на второй день царствования, 26 декабря 1761 г., Петр отозвал из действующей армии в Петербург свой «личный» кирасирский полк, которым командовал с 1742 г. Следом за ним в столицу были отправлены второй гренадерский полк во главе с новым полковником М.И. Измайловым и Воронежский полк, а из Москвы — два эскадрона Новгородского драгунского полка.⁴³ Предосторожности, кажется, были излишними: нам не известно ни одной попытки или намерения сопротивления законному преемнику трона.

Работы А.С. Мильникова и В.П. Наумова показали, что император не был ни великовозрастным дебилом, ни безграмотным капралом. Наследник получил «нормальное» (по меркам еще не екатерининского, но предшествовавшего времени) образование, имел (и собирал) библиотеку. Он вполне прилично писал и переводил на русский, хотя предпочитал в своем «голландском» кругу говорить по-немецки; сохранились автографы его записок на французском языке к М.И.Воронцову, сделанные нетвердым и неаккуратным почерком.⁴⁴ Император искренне любил музыку, интересовался живописью и обладал «добрым и веселым нравом» и чувством юмора.⁴⁵

В то же время можно отметить (хотя бы на основании такого специфического источника, как дела Тайной канцелярии), что наследник и внук Петра Великого вроде бы не пользовался популярностью у будущих подданных. Некий монах Савватий из Толгского монастыря в 1745 г. прямо высказался: «Вот де наследник неверной, да и наследница такая ж... не могла она [Елизавета. — *И.К.*] здесь в России людей выбрать». Наследника бранили «иноземцем» и даже «шутком».⁴⁶ Осуждение фаворитов императрицы порой заставляло предполагать печальную судьбу Петра; так, два молодых прапорщика во время вынужденного безделья на гауптвахте пришли к выводу, что ему «недолго дадут пожить, тотчас де как грибка молоденькова скушают».⁴⁷

Однако важнейшей причиной бесславного конца нового царствования стала хаотичная и импульсивная деятельность самого монарха. При этом не раз отмеченная современниками и историками неспособность Петра III к управлению государством усугублялась сознательно взятой им на себя ролью.

При характеристике Петра обычно на первый план выставляются его прусские симпатии. Однако сам Фридрих II как раз полагал, что «император хотел подражать Петру I, но у него не было его гения»; стремление подражать своим знаменитым предкам — Петру I и Карлу XII — отмечали и близкие к императору люди — его учитель, академик Я. Штелин и библиотекарь (и одновременно упомянутый в камер-фурьерском журнале как итальянский «буфон») Мизере.⁴⁸ О намерении следовать «стопам» Петра I свидетельствуют и манифест о вступлении на престол нового императора, и ссылки на предка в указах нового царствования. Н.Ю.Трубецкой придворным чутьем тут же уловил эту черту государя: именно по его инициативе была отчеканена медаль на похороны Елизаветы, где возносившаяся на небо императрица указывала на наследника со словами: «В нем найдешь меня и деда».⁴⁹

Император желал противопоставить «слабой» политике тетки и ее изнеженному двору иной стиль руководства в духе славного предка. Он блестяще воссоздан в очерке М.И.Семевского: государь вставал в 7 утра, в 8 часов уже принимал доклады в кабинете, затем отправлялся на развод или на парад, ездил по городу с посещением учреждений; после обеда следовали не менее активные развлечения — бильярд или поездки. Вечером император с избранными приближенными запросто приезжал к кому-либо из своих вельмож на ужин, который затягивался далеко за полночь — до 3-4 часов.⁵⁰

Петр лично посетил коллегии⁵¹ и поставил задачу решительными мерами «уничтожить все беспорядки», накопившиеся в предшествовавшее царствование. «Пора

опять приняться за виселицы», — реагировал он на участвовавшие грабежи на столичных улицах. В секуляризации церковных и монастырских вотчин он видел завершение «проекта Петра Великого». ⁵² Продолжал петровскую традицию и замысел «поднять мещанское сословие в городах России, чтоб оно было поставлено на немецкую ногу»; для этого предполагались массовый «импорт» немецких ремесленников в качестве учителей и, соответственно, отправка русских в Германию для обучения «бухгалтерии и коммерции». ⁵³ Секретарь французского посольства Ж.-Л. Фавье отмечал, что царь следовал Петру I и Карлу XII «в простоте своих вкусов и в одежде»; ⁵⁴ княгиня Дашкова отмечала его ненависть «ко всякому этикету и церемонии».

Из этого подражания, — очевидно, совпадавшего со вкусами и темпераментом самого Петра III, — вытекали и его шокирующие двор привычки: император сам удил рыбу в Петергофских прудах, гулял пешком по улицам столицы, «как бы желая сохранить инкогнито»; запросто заходил в гости к хорошо знакомым ему купцам и даже к своему бывшему камердинеру; прерывал все дела и мчался лично тушить пожар. ⁵⁵ Своих придворных Петр заставлял пировать в тесноте кают на спущенных на воду новых кораблях. ⁵⁶

Под стать дедовским ассамблеям были его вечеринки, где внук непременно становился, как и сам Петр I, «душой компании»: устраивал, например, импровизированный оркестр из первых чинов двора — Нарышкиных и обер-прокурора Сената П.Н.Трубецкого — или отправлялся майской ночью распевать серенады по улицам до двух часов утра. ⁵⁷ Под звон стаканов в густом табачном дыме обсуждались международные новости и государственные дела. Эти разговоры поутру уже разносились по Петербургу и вызывали самые разные комментарии.

Елизавета тоже начинала свое царствование с реставрации петровских учреждений, но вовремя остановилась; и уж вовсе не мыслила возрождать темп и манеры политики отца. Избранный Петром III стиль государственного руководства «à la Петр Великий» оказался ему не под силу. Дед, человек железной воли и универсальных способностей, мог работать по 16 часов в сутки, одновременно держать в голове и реально контролировать десятки дел и поручений, мгновенно входить в суть любой проблемы, сочетать дела и пиршества и не терять во время последних головы. Внуку ничего из этого не было дано. Поэтому внешнее копирование образа жизни деда становилось дурной пародией, когда дворцовые приемы превращались в офицерские вечеринки с певичками или устраивались после «бесед с Бахусом» игры для вельмож: «Ну все прыгать на одной ножке, а другие, согнутым коленом толкать своих товарищей под задницы».

К тому же возрождение духа «австории времен Петра Великого» или его современника прусского короля Фридриха-Вильгельма уже никак не совпадало со вкусами и привычками общества той поры. Поведение молодого царя могло еще более или менее естественно выглядеть при дворе Анны Иоанновны с ее шутами и стрельбой из окон; но спустя поколение оно уже оценивалось как совершенно неприемлемое.

Милые Петру III кабацко-солдатская «демократичность» и простота нравов воспринимались как «безразборчивая фамильярность», от которой предостерегала племянника еще императрица Елизавета. «Он не был похож на государя», — таковым было общее мнение; в этой оценке вполне сходились и образованная дочь вельможи Екатерина Дашкова, и аристократ князь Михаил Щербатов, и армейский поручик Андрей Болотов. Позднее именно это «фамильярство свое к публике» вместе с оскорблением национальных чувств выделит в качестве основных причин свержения Петра III министр А.Р. Воронцов в записке императору Александру I. ⁵⁸ Двор и столичное общество явно отвергали новый стиль государственного руководства, но Петр этого не чувствовал.

Не обладал он и способностями предка в выборе помощников, хотя старался приобрести популярность среди своего окружения, которое мгновенно это почувствовало. В бумагах М.И.Воронцова нам встретилась его жалобная записка: «всподданнейший

бедный раб» сетовал на свой двухсоттысячный долг, из-за коего заимодавцы причиняют ему сильнейшее «внутреннее беспокойство». Далее был помещен список с точным указанием желательного количества (в размере 28 тысяч) крепостных душ себе и своим родственникам Гендриковым и Ефимовским, а также еще несколькими придворным; следом составлен был второй такой список с просьбами о пожалованиях братьям Нарышкиным, И.И. Шувалову, А.Г.Разумовскому и И.И. Неплюеву и еще на 21 тысячу.⁵⁹

Наделе раздачи оказались скромнее. Тем не менее новым владельцам достались целые волости из дворцовых земель. Сам канцлер и его жена получили 4 тысячи душ; А.И. Шувалов — 2 тысячи душ «по его выбору»; гофмаршал М.М. Измайлов — 1085, А.П. Мельгунов — 1000.⁶⁰ Голштинские родственники императора стали российскими фельдмаршалами, А.Н. Вильбуа — генерал-фельдцейхмейстером, Н.А. Корф, А.И. Глебов, П.А. Девиер, П.А. Румянцев и З.Г. Чернышев — полными генералами. Н. И. Панин получил чин действительного тайного советника, А.П. Мельгунов — генерал-лейтенанта, Д.В. Волков — действительного статского советника.

Однако, несмотря на эти милости, собрать надежную «команду» Петру III оказалось не под силу. Со смертью в январе 1762 г. П.И. Шувалова влияние его клана пошло на убыль. С упразднением Тайной канцелярии отошел на задний план брат покойного А.И. Шувалов; а бывший фаворит отправился заведовать кадетским корпусом и должен был, судя по его письмам, просить поддержки у восходящей «звезды» Волкова.⁶¹

Не сбылись надежды и других вельмож. Едва успел датский посол Гакстгаузен отметить в своих донесениях фавор А.И. Глебова и Н.Ю. Трубецкого, как уже через три недели признал, что Трубецкой пребывает «в полном пренебрежении». Глебов остался «хозяином» Сената, но сам Сенат в новое царствование не сумел вернуть себе прежнего значения. Зато Петр тут же выписал ко двору родственников — дядю, прусского генерала Георга-Людвига Голштинского, и принца Петра Голштейн-Бекского: первый стал командиром Конной гвардии, второй — петербургским генерал-губернатором.

Министры Конференции во главе с канцлером представили императору проект указа о сохранении этого учреждения «на прежнем основании»; но Петр решил иначе, и 20 января упразднил ее. Однако документы Конференции остались в руках ее бывшего секретаря Д.В. Волкова, и через несколько дней он стал тайным секретарем императора. Этим шагом Петр III разделил свой Кабинет на «хозяйственное» отделение (его по-прежнему возглавлял А.В. Олсуфьев) и личную канцелярию,⁶² что сделало Волкова одним из самых влиятельных людей нового царствования. Однако сам он признавал, что не имел отношения к «делам придворным и комнатным». Это подтверждает камер-фурьерский журнал: из его записей следует, что тайный секретарь не сопровождал царя на его ужинах; здесь у императора были другие советчики. На руководящие посты при дворе выдвинулись приближенные «молодого двора» Л.А. и А.А. Нарышкины, М.М. Измайлов вместе с компанией новых камергеров из числа камер-юнкеров.

Неопределенным осталось положение канцлера М.И.Воронцова. В своих первых докладах он объяснял, что будущая «перемена системы» потребует согласованных действий всех ведомств и с упразднением Конференции эту роль не смогут взять на себя ни Сенат, ни Коллегия иностранных дел.⁶³ Но император счел возможным отказаться от большинства предложенных ему и полезных для нового режима мер. В саму же коллегию император назначил новым членом голштинского министра и камергера Вульфа, а самого канцлера называл «французом», что в устах Петра было скорее ругательством. Срочно был перетасован состав русских дипломатов за границей: в Лондон вместо отозванного А.М.Голицына назначен Г. Гросс из Гааги; но, в конце концов, на ответственный пост отправился двадцатилетний племянник канцлера А. Р. Воронцов, тут же пожалованный в камергеры и полномочные министры. Ф. Воейкова в Варшаве заменил Кейзерлинг, И.Остермана в Стокгольме — Э.Миних.⁶⁴

Однако опытный канцлер оказался прав. Императору пришлось срочно создавать в мае 1762 г. очередной координационный орган — Императорский совет и даже предоставить ему право принимать без его участия решения по делам «меньшей важности». Сохранившийся в архиве набросок («План... или росписание учреждаемого вновь при дворе совета») отражает поиски подходящих кандидатур: в него вписывались на французском языке и вычеркивались (судя по почерку, М.И. Воронцовым) имена контр-адмирала Милославского, генерала М.Н. Волконского, Б.А. Куракина, А.И. Глебова, Р.И. Воронцова.

В итоге в составе совета остались из поименованных в черновике Д.В. Волков, родственники императора Георг Голштинский и Петр Голштейн-Бекский, возвращенный из ссылки Миних, М.Н. Волконский, бывшие члены Конференции Н.Ю. Трубецкой и М.И. Воронцов, А.Н. Вильбуа. Вошел туда не названный сначала А.П. Мельгунов; но зато не попали намеченные гетман К.Г. Разумовский, сенатор и отец фаворитки Р.И. Воронцов и генерал-прокурор Глебов.⁶⁵ Можно, пожалуй, предположить, что отстранение этих лиц стало одной из причин, толкнувших их на сторону Екатерины.

Перетасовка кадров и непродуманные решения увеличивали нестабильность в правящем кругу и — что важнее — не привели к созданию единого «штаба» в условиях начавшихся реформ и «перемены системы». Им не стали ни Сенат, ни Кабинет, ни распущенная Конференция, ни даже Императорский совет, мнение членов которого Петр не всегда принимал во внимание. Из серьезных кадровых «рокировок» можно указать лишь замену генерал-прокурора, хотя едва ли прожженный делец Глебов являлся для императора более надежной опорой, чем честный чиновник Шаховской.

Назначения нового царствования выглядят достаточно случайными. В Сенат были введены два новых члена (престарелый обер-шталмейстер П.С. Сумароков и брат канцлера И.И. Воронцов) и один отправлен в отставку (Я.Л. Хитрово); кроме того, умер сенатор М.И. Шаховской. По традиции император выбрал нового лейб-медика, по неизвестной причине дважды сменил президента Мануфактур-коллегии (сначала им стал камергер Г.И. Головкин, а за несколько дней до переворота Петр назначил на этот пост своего бывшего камердинера де Брессана); П. Голштейн-Бекский сначала был перемещен с ревельского генерал-губернаторства в столицу, но через несколько дней возвращен в Эстляндию, а на генерал-губернаторство в Москву отправился фельдмаршал Бутурлин.

Прочие перемещения коснулись только Ямской канцелярии (по иронии судьбы именно к главе этой службы Л.Овцыну Петр обратится с одним из последних своих указов в поисках спасения) и придворного мира. Остальные ключевые должности в центральном аппарате управления и губерниях сохраняли назначенные при Елизавете лица (см. Приложение, Таблицы 1 и 2).

Скромные перемены на статской службе Петр компенсировал чинопроизводством военных. Весной 1762 г. император назначил 7 новых генерал-аншефов, 23 генерал-лейтенанта и 62 генерал-майора — больше, чем за все двадцатилетнее царствование своей тетки.⁶⁶ Пристрастие к военным приводило к тому, что генералами становились придворные (Нарышкины, Дараганы) или назначенный начальником Канцелярии от строений И.И. Бецкой. Можно полагать, что таким массовым пожалованием Петр стремился обеспечить себе прочную опору в армии накануне предстоявших реформ и войны с Данией. Может быть, с этим связан и значительный процент «немцев» (9 генерал-лейтенантов и 28 генерал-майоров) среди пожалованных. Однако в свете непопулярности затей императора эти назначения, скорее, могли служить еще одним аргументом для недовольных.

Сменил император и чинов морского ведомства. В один день 30 апреля он уволил в отставку генерал-адмирала М.М. Голицына, адмиралов З. Мишукова и А. Головина, генерал-кригс-комиссара Б. Голицына и контр-адмирала Д. Лаптева. Адмиралом стал

В.Льюис, вице-адмиралом - С.Ф.Мещерский, контр-адмиралом — А.Нагаев; контр-адмирал В.Ларионов был назначен генерал-кригс-комиссаром.⁶⁷ Главным по морскому ведомству Петр сделал произведенного им в вице-адмиралы С.И. Мордвинова, несмотря на наличие старших по званию.⁶⁸

Петр III торопился: обживал свои новые дворцы, награждал приближенных, мечтал преобразовать армию и флот, изменить всю «систему» внешней политики. Датский посланник тут же почувствовал, как изменилась сама атмосфера двора: «Все пришло в движение, и во всем проявляется деятельность изумительная». Но царь не был способен реально контролировать ни своих генералов, ни министров, ни даже фаворитку: двор имел удовольствие наблюдать «кухонные» сцены, когда ревнивая Воронцова называла Петра «гадким мужиком», а российский император в ответ требовал от любовницы вернуть подаренные бриллианты.⁶⁹

Подсчет законодательных актов второй половины столетия по годам показывает, что шесть месяцев Петра III побили рекорд по части законотворческой активности и уступают в этом отношении только павловским временам: 5 манифестов, 70 именных указов, 2 договора и 13 резолюций по докладам; почти каждый второй день из 185 отпущенных императору отмечался личным царским распоряжением, не считая сенатских указов.⁷⁰ Интенсивность этого потока монаршей воли особенно заметна в первые месяцы царствования.

В январе 1762 г. упразднены провинциальные полицеймейстеры, утверждены новые образцы монет, приняты решения о перепечатке медных денег и снижении цены на соль, Сенат получил указ исполнять устные распоряжения императора, упразднена Конференция, объявлено о рекрутском наборе и записи добровольцев в голштинские полки, беглым раскольникам разрешено вернуться в Россию и свободно отправлять богослужение, открыт апелляционный департамент при Сенате, помещикам разрешено переводить крестьян в другие уезды без санкции властей, Мануфактур-коллегия переведена в Петербург.

В феврале были объявлены важнейшие реформы: манифест о вольности дворянства, упразднение Тайной канцелярии и грядущая секуляризация церковных и монастырских владений согласно елизаветинскому указу 1757 г.; распущена Лейб-компания, создана комиссия по улучшению флота, беглым предоставлена возможность безнаказанно вернуться из-за границы, прекращена ссылка на каторгу в Рогервик.

В марте было запрещено строить и иметь церкви в «партикулярных домах», созданы Коллегия экономии для проведения в жизнь секуляризации и «Воинская комиссия» для преобразования армии, утвержден новый штат гвардии, солдат и матросов запрещено «бесчестно» наказывать «кошками» и батогами. Предпринимателям-«фабриканам» больше нельзя было покупать крестьян к мануфактурам, но зато введены экономические свободы: подданным разрешено торговать в Архангельске и вывозить из империи хлеб, отменены казенные монополии на торговлю холстом и ревенем и монопольные торговые компании на Каспийском море. С 13-го числа начались заседания вызванных из провинции депутатов для обсуждения нового Уложения.

Но в апреле преобразовательный порыв утих: на смену серьезным реформаторским актам пришли распоряжения об истреблении полицией «всех имеющихся в Санкт-Петербурге собак», срочном переименовании полков по именам их шефов и новых мундирах для полковых врачей и живоделов.

Важнейшие преобразования оказывались не вполне продуманными или урезались в процессе их исполнения. «Епакта вольности российских дворян» (так назвал манифест 18 февраля 1762 г. обер-прокурор Сената П.Н.Трубецкой) не предусматривала дворянской монополии на заведение промышленных предприятий и ликвидации купеческого предпринимательства. Эти гарантии предполагались проектом нового Уложения, составленным комиссией во главе с Р.И.Воронцовым, но были заблокированы составлявшим

манифест А.И.Глебовым и его единомышленниками.⁷¹ На практике получить «вольность» было не так просто. Дела Герольдмейстерской конторы за время царствования Петра III показывают, что отставников по-прежнему определяли на «статскую» службу в качестве провинциальных воевод. Другие к ней не особенно стремились; многим ветеранам времен русско-турецкой войны 1736–1739 гг. идти было некуда, и они сами просили определить их «для пропитания» к монастырям.⁷²

Манифест о ликвидации Тайной канцелярии на самом деле предписывал только не принимать свидетельств от «колодников» и не арестовывать оговоренных без «письменных доказательств». Он не отменял дел «по первым двум пунктам», о которых по-прежнему «со всяким благочинием» полагалось доносить «в ближайшее судебное место, или к воинскому командиру», или (в «резиденции») доверенным лицам императора Волкову и Мельгунову.⁷³

Объявленный же процесс секуляризации вообще не имел механизма реализации: только более чем через месяц, 21 марта 1762 г., новый указ предписал создать Коллегию экономии при Сенате и приступить к описанию церковных и монастырских вотчин отправляемыми туда офицерами. Однако инструкция им была готова только к середине апреля; тогда же стал рассылаться соответствующий сенатский указ, поступивший к монастырским властям только к лету; в итоге до самого свержения Петра III реформа так и не началась.⁷⁴

Даже важнейшие акты нового царствования составлялись поспешно, не был обеспечен контроль над их проведением в жизнь. Это подтверждается составленной уже при Екатерине II сенатской ведомостью об исполненных и неисполненных письменных и словесных указах ее предшественника. Согласно этому документу, не «учиненными» оказались не только секуляризационная реформа, но и указ о понижении пробы серебряных монет, и обещанное снижение цены на соль, и отмена каторги в Рогервике, и распоряжения о полицеймейстерах, о «производении в секретари из приказных чинов» и другие повеления императора.⁷⁵

Некоторые из новых распоряжений тут же приходилось корректировать. Так, указ о свободе торговли хлебом вызвал протест ливонского губернатора Ю.Ю. Броуна в связи с неурожаем в этой области. Сенат представил подробный доклад, где указывал на невозможность свободного вывоза хлеба из Сибири или экспорта морских «припасов» и оружия в нестабильный Иран, а также на вероятную нехватку холста при заготовках для армии. Некоторые прежние указы отменялись: так, Мануфактур- коллегия осталась по-прежнему в Москве.

Другие царские инициативы, по-видимому, «тормозились» самими сенаторами, которые предполагали об этих актах «предложить впредь к рассуждению», тем более что многие важные указы (об отдаче таможенного откупа, «вольности» дворянства, образовании Государственного банка) издавались без всякого участия Сената. В мае сенаторы уже осмеливались прямо возражать государю: указывали на невозможность немедленного изыскания огромных сумм на войну и ошибочность запрещения покупки меди для монетных дворов в то время, когда намечался массовый выпуск медных денег.⁷⁶ В ответ царь вообще запретил Сенату выступать с толкованием законов.⁷⁷

Сопrotивлялся реформаторскому натиску и Синод. Архиереи издавали повеления во исполнение императорских указов, а затем саботировали их выполнение. Распоряжение о закрытии домовых церквей вызвало сопротивление даже ближайших к Петру лиц. В результате эти храмы были оставлены в домах Н.Ю. Трубецкого, М.И. Воронцова и «генеральши Мельгуновой», что могло, пожалуй, только дискредитировать царя и его любимцев. Петр посылал в Синод упреки в неправосудии и «долговременной волоките»;⁷⁸ в раздражении он, надо полагать, сравнивал русское духовенство с протестантскими пасторами. В ответ по столице распространялись слухи о приказе императора уничтожить

большинство икон в храмах и обрить бороды священникам (на деле же такого «указа» среди устных или письменных распоряжений Петра III нет).

Наблюдавшие Петра современники-иностранцы по-разному видели отношение подданных к императору, что во многом определялось их положением при дворе. Для австрийских дипломатов в свете резкого ухудшения отношений между двумя державами доминирующим являлось всеобщее возмущение «постыдным миром» с Пруссией. Повторяли они и утверждения оппозиции (известные по мемуарам Екатерины II, Е.Р. Дашковой и А.Т. Болотова) о намерениях Петра III заключить супругу в монастырь и преобразовать православных священников в протестантских пасторов.⁷⁹

Английский посол Р. Кейт, намного лучше осведомленный о планах императора, не упоминал о подобных вещах. Главные причины переворота он видел в секуляризации церковных земель, недовольстве гвардии строгой дисциплиной и грядущей войне с Данией. Но реакцию русского общества на мирный договор с Пруссией он оценивал иначе, чем его австрийский коллега граф Ф.- К. Мерси Д'Аржанто: «Народное желание мира до того сильно, что и против этой уступки общественное мнение не восстало, а даже одобрило ее. Несколько других ничтожных обстоятельств, преувеличенных молвою и искаженных злонамеренными личностями, мало-помалу подготавливали падение несчастного государя, который обладал многими прекрасными качествами».⁸⁰ Попытаемся обратиться к документам.

Война и деньги

Штелин выделил апрель как рубеж в политике Петра: с момента переезда в новый Зимний дворец он только утром занимался государственными делами, а все остальное время посвящал заботам об армии. Император видел себя восстановителем отечества, которым, прежде всего, считал родную Голштинию. Но для этого надо было прекратить затянувшееся противостояние с Пруссией, которое Петр считал принципиально ошибочным.

Это не было неожиданным для окружения царя. Еще 23 января Коллегия иностранных дел представила доклад о международном положении страны. Канцлер напомнил Петру об имевшихся договорах и их преимуществах для России (в виде австрийских субсидий и гарантий присоединения Восточной Пруссии) и предложил взять на себя почетную роль посредника-миротворца. С точки зрения Воронцова, все участники конфликта, даже победоносная Англия, истощены войной; следовательно, необходимо прямо объявить союзникам о «новой системе» и «заставить каждого уменьшить свои требования».⁸¹

Но царь предпочитал действовать проще. Уже через месяц после вступления на престол, 25 января 1762 г., он приказал отозвать корпус З.Г. Чернышева из австрийской армии. Еще через несколько дней почувствовавший новую конъюнктуру главнокомандующий П.С. Салтыков доложил, что согласился на предложенное неприятелем перемирие, не дожидаясь указа из Петербурга. Такой рескрипт немедленно последовал; генерал М. Н. Волконский приступил к переговорам, завершившимся подписанием перемирия 5 марта. На этом война для России была закончена: границей становился Одер; прусские войска обязались не заходить в Речь Посполитую, а русские — в Силезию.

Фельдмаршал Салтыков еще докладывал в Петербург о трудностях закупки лошадей для будущей кампании, выделке противником фальшивых рублей, невыплаченном армии жалованье за 1761 г. Но Петр уже 18 февраля повелел Военной коллегии полностью укомплектовать людьми и лошадьми Померанский корпус Румянцева. Через неделю его вызванный в столицу командир получил рескрипт подготовить войска «к известному назначению» - впрочем, ни для кого не являвшемся секретом. «Война с Даниею всегда

была решенным делом», - уверенно утверждал тайный секретарь Волков;⁸² об этом же докладывали из Петербурга дипломаты уже с самого начала царствования.

Датскому послу в России указали, что от упорства в голштинском вопросе «могут крайние, но лехко еще теперь упреждаемые, последовать бедствия». Бряцание оружием началось как раз в то время, когда от имени русского императора его союзники получили декларацию (от 8 февраля 1762.Г.) с отказом от своих «тягостных» обязательств по отношению к ним и намерением заключить мир даже ценой потери всех «приобретений».⁸³ В конце февраля (еще до официального заключения перемирия) в Петербург прибыл прусский посол и адъютант короля барон Бернгард- Вильгельм фон дер Гольц и быстро взял процесс мирных переговоров в свои руки при полном одобрении императора.

У этой политики были свои сторонники. Честолюбивый Румянцев ревностно взялся за подготовку сулившего новые лавры похода и уже 31 марта рапортовал, что его полки «в готовое состояние к походу приведены», что было (как следует из его же позднейших рапортов) желанной при дворе неправдой. Генерал быстро постиг дух нового царствования и распорядился прислать в подарок царю барабанщика, который разные «пруссские штучки» знает. Он же с беспокойством выспрашивал у «вселюбезнейшего друга» Волкова: правда ли, что «хотят меня отдалить от дальнего следования?»⁸⁴

Стремился в поход молодой гвардеец Семен Воронцов, одобрял «столь благополучные начала» нового царствования и только, что назначенный (в 21 год) послом в Лондон его брат Александр. По дороге к месту назначения его, как важную персону, приветствовали главнокомандующий Салтыков, король Польши Август III, штатгальтер Голландии. Сам Фридрих II «доволен сделать мне знакомство», как сообщал дяде о блестящем начале своей карьеры юный дипломат, готовый «жизнью своею заслужить» столь высокую монаршую милость. Но и он заметил (и отписал дяде), что русская армия в Польше не получала жалования 8 месяцев, а любезный прусский король настоятельно советовал не начинать войну в этом году, «ибо временем одним Дания уже изнурится».⁸⁵

Перед новым послом стояла нелегкая задача. Инструкция предписывала ему вновь привлечь Англию в предполагавшийся русско-пруссский союз и побудить англичан опять выплачивать Фридриху II субсидии - при том, что из Лондона еще в январе докладывали о намерении британского правительства вывести войска из Германии и бросить короля на произвол судьбы. Петр III надеялся на помощь английского флота, но лучшим средством воздействия считал угрозу: Россия «следующие товары отнимет у Англии, а именно пеньку, мачтовые деревья, медь, железо и конопляное масло, без которых англичане не могут обойтись». Считая, по-видимому, вопрос решенным, император в то же время подружески показывал прусскому послу дипломатические депеши из Лондона; содержание которых последний тут же передавал Фридриху, не отказывавшему себе в удовольствии продемонстрировать конфиденциальные сведения английскому дипломату.⁸⁶

Столь же бесцеремонной стала политика по отношению к вчерашним союзникам. Требование к находившимся в Петербурге послам явиться с визитом к дяде императора принцу Георгу спровоцировало дипломатический конфликт. В ответ царь отказался официально принимать представителей Франции, Австрии и Испании на официальных аудиенциях, что закончилось взаимным отзывом послов и разрывом союзных отношений с Францией. В присутствии испанского посла Петр публично заявлял о скором разгроме Испании в войне с Англией, что оказалось правдой, но едва ли способствовало налаживанию новой «системы». Саксонского посланника Прассе царь принял, по выражению самого дипломата, «как нищего».

В 1762 г. англичане после побед в Индии и Канаде захватили последние французские колонии — Мартинику и другие острова в Вест-Индии. Вслед за Россией из войны вышла Швеция, и теперь Фридрих II мог сосредоточить все свои силы против Австрии. Австрийская дипломатия стремилась любой ценой сохранить союз и даже предложила

царю денежную субсидию для войны с Данией. Но все оказалось напрасным: посол Австрии граф Мерси передавал высказывания императора о том, что Фридрих без труда «разделяется» с австрийскими войсками. В апреле австрийский дипломат сообщал о намерениях Петра посадить на польский престол брата прусского короля и возможном разделе Польши.⁸⁷

После затяжной паузы в русско-австрийских отношениях 2 мая последовал зашифрованный рескрипт русскому послу в Вене Д.М.Голицыну. Он содержал обвинения Австрии в том, что война ведется именно из-за «упорства» Марии-Терезии, и недвусмысленно указывал русскому дипломату объявить Вене о посылке русских войск на помощь Фридриху II. Другой документ, неделю спустя, предусматривал скорый разрыв дипломатических отношений.⁸⁸ В тот же самый день (2 мая) резиденту в Стамбуле А.М.Обрескову предписывалось «внушить искусным образом» туркам, что они могут начать войну с Австрией, в которую «мы... ни прямо, ни стороною мешаться не будем», отчего — резонно полагали в Петербурге — турецкие министры могли прийти в «великое удивление».⁸⁹

Все попытки канцлера и даже близкого к Петру III Волкова воспрепятствовать заключению мира под диктовку Фридриха отвергались. Более того, уже 6 апреля царь предписал Коллегии иностранных дел готовить не только мирный, но и союзный договор с Пруссией. В итоге по подписанному 24 апреля договору Россия безвозмездно возвращала все захваченные территории; кроме того, направляла на помощь королю русский корпус графа З.Г. Чернышева.

Мир действительно был необходим — но, в первую очередь, не для России, а для Фридриха, которого бросил его английский союзник (в мае 1762 г. парламент отказал Пруссии в субсидиях). Возможно, даже захват «Прусского королевства» был не нужен России: оно могло стать — как предусматривала Конференция в 1756 г. — предметом торга и с ослабленной Пруссией, и с Речью Посполитой. Петр мог, пожалуй, сыграть на завершающем этапе Семилетней войны не менее важную роль арбитра между истощенными войной европейскими державами если не на западе, то на востоке Европы. Но, кажется, это была непосильная для царя задача: необходимый для России выход из войны был осуществлен самым неуклюжим способом, представлявшим страну не только плохим союзником, но и лицемерным агрессором.

По-видимому, Петр был убежден, что военные приготовления вместе с дипломатическим демаршем и союзом с Пруссией заставят Данию капитулировать. Но в ответ на угрозы датский двор предложил лишь «прежние трактаты возобновить» и продолжить переговоры.⁹⁰ Король Фредерик V действительно испугался и даже написал по этому поводу особую молитву, в которой обращался к Господу: «Твой червь, прах и пепел». Но донесения из Копенгагена сообщали, что, несмотря на «ужас и беспокойство» народа, там полным ходом шла подготовка флота из 30 линейных кораблей и 18 фрегатов, войска перебрасывались в Шлезвиг, и заготовливались припасы.⁹¹ Стало ясно, что предстоит не демонстрация силы, а настоящая война; но ни дипломаты, ни армия не были к ней готовы.

Возражал даже обычно не решавшийся перечить Воронцов. Как следует из его неопубликованного доклада от 12 апреля, канцлер посмел не только назвать предстоявшую кампанию «химической», но и отстаивать свое мнение («инога сказать не могу»), поскольку воевать без сильного флота, «довольных магазинов», а главное — без «великих сумм» не считал реальным; не верил он и в возможность поддержки от английского флота.⁹² Донесения главнокомандующего Салтыкова свидетельствовали о том же. Корпус Чернышева отправился на помощь прусской армии; но войска Румянцева на протяжении апреля и мая только укомплектовывались людьми и лошадьми, и в полках даже началось дезертирство из-за отсутствия у солдат и офицеров денег.⁹³

Мечтавший о славе император столкнулся с проблемой финансирования и материально-технической подготовки армии к войне вдалеке от собственных границ противником, обладавшим превосходством на море. Вступив на престол, царь обнаружил в закромах Кабинета не менее 500 тысяч рублей наличными плюс значительную сумму в виде золота и серебра с императорских заводов на Алтае. Сразу последовали крупные раздачи: 150 тысяч рублей на строительство Зимнего дворца, 60 тысяч — на любимый Ораниенбаум; 60 тысяч предполагалось потратить на коронацию, намечавшуюся на сентябрь; 20 тысяч получила в качестве «пенсии» фаворитка.⁹⁴ Выписывались импортные обновки и для самого императора: «кафтан серебряной С бархатными алыми с зеленым цветочками» стоил 270 рублей, бархатные — по 80 рублей, а все прочее с доставкой обошлось почти в 10 тысяч рублей.⁹⁵

Наличные запасы были быстро исчерпаны: уже в январе Петр пустил в расход 120 тысяч рублей, предназначенных наследнику Павлу,⁹⁶ и прекратил оплату счетов покойной императрицы частным лицам. Документы Камер-коллегии показывают, что недостающие на достройку Зимнего дворца 100 тысяч рублей пришлось искать проверенным способом: по всем кассам, включая Тульскую провинциальную канцелярию, которая оплачивала изготовление дворцовых замков и «шпаниолетов».⁹⁷ Зато такую же сумму Петр распорядился выделить из кабинетских сумм «для переводу в Голштинию».⁹⁸

При описанных в предыдущих главах канцелярских порядках и более чем скромной компетенции самого Петра ему никак не удавалось получить от чиновников точных ответов на вопрос: «Где деньги?» Невразумительная бумага из Штатс-конторы «о доходах и расходах штатной суммы» в 1761 г. сообщала, что окладные доходы превышали таковые же расходы, но в итоге получился ... дефицит в 1994799 рублей 3 копейки. Объяснить же, куда иные из этих доходов делись, чиновники оказались не в состоянии: «С королевства Прусского по 1 миллиону талеров в год, а куда делись — как в Сенате, так и в иностранной коллегии никакова о том известия и никаких щетов нет». Такая же судьба постигла и контрибуцию с Берлина: «Куда употреблена - неизвестно».⁹⁹

Принятое еще в январе решение о переделке медных и понижении пробы серебряных монет результатов пока не дало; одновременно только текущие расходы заграничной армии исчислялись Сенатом в феврале в 3338502 рубля. Судя по расходным ведомостям Кабинета, личные траты императора были умеренными;¹⁰⁰ однако обстановка нового дворца и экипировка голштинской гвардии требовали немалых расходов. Екатерина II до 1767 г. расплачивалась по счетам бывшего мужа за мундиры, позументы и прочую амуницию, а также за посуду, мебель, книги.¹⁰¹

Она напрасно упрекала мужа в расходовании «кабинетских» доходов только на себя.¹⁰² Сенатские протоколы «по секретной экспедиции» показывают: Петр уже в начале марта выделил Сенату на срочные расходы из кабинетских средств золота и серебра на миллион рублей. Через месяц он потребовал объяснений, почему армия до сих пор не получила требуемых сумм. Сенат отвечал: переведено в войска только 99 тысяч рублей, а остальные будут отправляться по мере поступления.¹⁰³ Для жаждавшего военных лавров Петра отсутствие денег стало ударом — для кампании против Дании необходимо было срочно изыскать 4 миллиона. Времени же не было. Отказ от летней кампании означал потерю преимущества внезапности в условиях, когда вовлеченные в войну державы не имели возможности вмешаться в конфликт. Все начатые реформы отошли на задний план, главной стала «битва» за финансы.

В апреле от Синода потребовали срочно сдать всех годных к службе лошадей с вотчинных конских заводов.¹⁰⁴ В мае Петр распорядился перечеканить в монеты все имевшееся в Кабинете золото и серебро, затем пустил «в расход» 300 тысяч рублей таможенных сборов и свое жалование как полковника гвардии.¹⁰⁵ Но ни экономия, ни текущие поступления не могли восполнить нехватки. Третьего мая 1762 г. Мельгунов и

Волков от лица императора объявили Сенату о необходимости срочно «искать» на военные расходы в 1762 и 1763 гг. 8 миллионов рублей «сверх штатного положения» — огромную сумму, превышавшую половину годового бюджета.¹⁰⁶ Этим Петр дал понять, что решил не на военную демонстрацию, а на затяжную войну, которая должна была продлиться и в следующем году.

Сенат рапортовал о некоторых внутренних резервах в виде поступавшего из Нерчинска золота и серебра, но основной источник получения требуемой суммы видел только в бесперебойной работе монетных дворов по перчеканке медных и серебряных денег. Последнее означало возвращение к плану П.И. Шувалова 1760 г. о понижении веса медных монет (т. е. к чеканке из одного пуда меди не 16, а 32 рублей) и ухудшении пробы серебряных. Но 6 мая сенаторы доложили, что в любом случае искомые доходы начнут поступать не ранее сентября, и видели единственный выход во внешнем займе у голландских купцов.¹⁰⁷

18 мая на первом своем заседании Императорский совет решал сразу обе проблемы — военную и финансовую. В отношении с Данией предстояло действовать «силою»: для начала занять мекленбургские города Росток, Висмар и Шверин для обеспечения тыла будущего наступления. Расходы же предполагалось покрыть за счет выпуска бумажных денег — «банковых билетов» на 5 миллионов рублей. Стабильность их курса должен был обеспечить создаваемый Государственный банк, куда для обмена передавался капитал на миллион рублей серебром и на столько же — медью. Другим решением Совета 23 мая стало появление именного указа Петра III о подаче в двухнедельный срок ведомостей из всех учреждений о расходе полученных средств.¹⁰⁸

21 мая Петр приказал Румянцеву ввести 10 тысяч русских солдат в Мекленбург. В этом документе война считалась уже «декларованной», и император как будто высказывал свои истинные пожелания: если бы датчане выступили навстречу русским, то и «война собою началась». Уже после этого приказа 24 мая последовал рескрипт русскому послу в Копенгагене И.-А. Корфу. Дании предъявлялся ультиматум: немедленно вернуть «похищенные земли». В виде уступки русская сторона соглашалась на переговоры в Берлине, но с условием их продолжительности не более 7 дней, без переписки послов со своими дворами. Назначенным на этот конгресс Корфу и Сальдерну предписывалось принять посредничество прусского короля, который даже мог требовать от России уступок.¹⁰⁹

Такие действия вызвали протест даже со стороны лояльных Петру членов Императорского совета. 30 мая они подали государю «записку», в которой подчеркнули неготовность армии к немедленному выступлению: в распоряжении Румянцева только 17 полков, остальные части еще не подошли; в Померании и Мекленбурге нет необходимого фуража и провианта; к границам Голштинии войска подтянутся только в августе, что уже поздно для начала военных действий. Советники предлагали Петру разумный выход: начинать военные действия следующей весной, когда будут исчерпаны все дипломатические средства и появятся «надежные пластармы и достаточные магазины»; до того же — действовать «одними казаками» для разорения датских владений.¹¹⁰

Среди черновых бумаг Совета нами обнаружено еще одно представление императору; по-видимому, оно было подготовлено М.И. Воронцовым, поскольку копии имеются и в его архиве, и среди черновигов докладов Коллегии иностранных дел. В документе, датированном 10 июня 1762 г., еще раз изложены аргументы против задуманного похода: части Румянцева выступили «положа на отвагу», поскольку имеют провианта только до 1 июля; взять же его в Мекленбурге неоткуда: отправленные транспорты задержаны противным ветром, а два корабля разбиты штормом. Наконец, война будет стоить не менее 10 миллионов рублей; первые же доходы от перчеканки могут поступить только в сентябре, но медная русская монета за границей бесполезна. Канцлер умолял императора не

рисковать своей «героической славой», ибо «скорому походу армии противится непреодолимая натура вещей, и поправление тому зависит не от искусства и ревностных распоряжений, но почти единственно от времени».¹¹¹

Мы не знаем, дошло ли это обращение до императора, но на его действия оно никак не повлияло — как, вероятно, и другие предостережения. Упорное стремление действовать вопреки «натуре вещей» не могло не привести к изоляции императора от военнo-чиновничьей верхушки и непопулярности его курса среди более широких кругов столичного дворянства и гвардии.

Армии не хватало как запаса времени, так и средств для срочного начала кампании. Правда, в начале июня войскам, наконец, стали выплачивать задержанное жалование: в заграничную армию перевели 1240 тысяч рублей. По ведомостям Кабинета, к началу июля туда поступило два с лишним миллиона всяких чрезвычайных доходов, в том числе золота с императорских алтайских заводов;¹¹² по иронии судьбы, ими потом Екатерина расплачивалась с участниками переворота. Получить остальные миллионы было негде, тем более что Сенат 5 июня объявил о невозможности представить в срок сведения о штатах и расходах, а 14 июня донес: амстердамские банкиры Клифорт и Гопп запрошенный заем в размере 3 или 4 миллионов рублей «изыскать не в состоянии».¹¹³ Одновременно Адмиралтейство сообщало, что военные корабли из Архангельска не смогут прибыть к датским берегам раньше осени, а строить необходимые суда в Кронштадте невозможно.¹¹⁴ Несостоятельными оказались также расчеты на поддержку Швеции, хотя известие об этом пришло в Петербург уже после переворота.

Румянцев приходил «в крайнее отчаяние» и жаловался на отсутствие провианта и поведение новых «союзников». Прусские поставщики заламывали «неслыханные деньги», а власти требовали немедленного возвращения Померании и Кольберга; прусские вербовщики даже подговаривали обнищавших русских солдат к дезертирству. Генерал почтительно осмеливался советовать своему императору: «Оставить Кольберг все военные резоны запрещают», — и терял драгоценное время. Третьего июля 1762 г. в донесении уже свергнутому Петру III Румянцев писал, что до сих пор не может выступить.¹¹⁵ Кампания, таким образом, с самого начала оказалась проигранной. Инициативу перехватили датчане: их войска окружили пограничный Гамбург, взяли с него «добровольный займ» в миллион талеров и готовились встретить русскую армию на заранее выбранных позициях.¹¹⁶

Но Петр III был готов идти до конца, невзирая ни на какую «неодолимую силу вещей». Пятого июня манифест царя объявлял о немедленном сборе с архиерейских и монастырских крестьян годового оброка.¹¹⁷ Восьмого июня был заключен союзный договор с недавним противником: в обмен на гарантию Силезии Фридрих обещал царю 15-тысячный корпус для похода на Данию. В июне были уже готовы образцы бумажных денег в 1000, 500, 100, 50 и 10 рублей; их первый выпуск предполагался на 2 миллиона.

За два дня до переворота, 26 июня, царь потребовал от Сената «неотложно собрать» все розданные из государственных заемных банков и просроченные ссуды, которые должны были платить вельможи из его окружения.¹¹⁸ В тот же день Адмиралтейство получило указ немедленно построить необходимые суда и брать для этого людей «от партикулярных работ».¹¹⁹ Коллегия иностранных дел должна была обеспечить выезд канцлера и дипломатического корпуса к армии, где царь намеревался продемонстрировать свои полководческие таланты.¹²⁰ С собой он брал не только дипломатов, но и гвардейский отряд из 4 батальонов и 3 эскадронов, для которых был даже готов маршрут следования. Но выступить в поход ему уже не пришлось.

Заговор и его участники

Екатерина II в письме к С. Понятовскому (от 2 августа 1762 г.) признавалась: «Уже шесть месяцев, как замышлялось мое восшествие на престол». Таким образом, началом событий, приведших к свержению Петра III, можно считать февраль того же года: у нас вроде бы нет оснований не доверять Екатерине в этом вопросе, тем более что австрийский посол Мерси в депеше от 13 июля 1762 г. ссылаясь на свои зимние донесения о том, как Панин вел переговоры с великой княгиней о низложении ее супруга.¹²¹

В рассказе о воцарении Екатерины (в изложении датского посланника барона Ассбургга) Н.И. Панин называет иную точку отсчета событий: он «за четыре недели до переворота озаботился предоставлением престола другому лицу без пролития крови».¹²² Дашкова в своем повествовании о перевороте подчеркнула, что «не спала последние две недели», а до того сообщила, как «в течение десяти дней число заговорщиков увеличивалось, но окончательный и разумный план все еще не созрел». Характерно, что и рассказывать о подготовке заговора Дашкова стала сразу же после описания инцидента на праздновании мира с Пруссией, где император оскорбил ее подругу.¹²³

Екатерина в названном письме вслед за фразой о вовлеченных в заговор 30–40 офицерах и 10 тысячах солдат заявляла: «Не нашлось ни одного предателя в течение трех недель». Но она же и в письме, и особенно в мемуарах акцентировала внимание на другом событии — празднике 9 июня, когда император публично обозвал ее «дурой» и собирался арестовать. Тогда-то Екатерина, по ее признанию, стала «прислушиваться к предложениям» недовольных и «дала знать различным партиям, что пришло время соединиться». Для императрицы было важно подчеркнуть, что она честно исполняла супружеский долг и только прямая угроза незаконного развода и заточения могла заставить ее пойти навстречу заговорщикам.

Едва ли она совсем не предполагала такого варианта ранее — ведь в манифесте о вступлении на престол Петр III не упоминал ни супругу, ни сына. Но все же до определенного момента разрыва отношений не происходило; более того, император выделил жене на расходы 120 тысяч рублей и пожаловал ей в личное распоряжение село Софьино в Новгородском уезде.¹²⁴ Как известно, инцидент за обедом был улажен; но можно согласиться с тем, что это происшествие подтолкнуло события.

Таким образом, Екатерину, Дашкову и Панина можно понять так, что расширение круга заговорщиков до итоговых размеров произошло именно в последние недели перед переворотом. Возможно, разная «протяженность» заговора по времени в приведенных сообщениях свидетельствует как о разных стадиях этого процесса, так и о разной степени вовлеченности в него самих авторов.

Далее рассказы участников (прежде всего Н.И. Панина и Е.Р. Дашковой) и любознательных современников, пытавшихся по мере сил выяснить пружины произошедшей «революции», представляют собой пеструю мозаику известных им имен и фактов вместе с понятным стремлением отметить свою роль в событиях. Последние исследования по теме выделяют две основные группировки — «военную» во главе с братьями Орловыми, куда примыкали генералы М.Н. Волконский и А.Н. Вильбуа, и «гражданскую» под руководством Н.И. Панина и с участием К.Г. Разумовского, Г.Н. Теплова и Е.Р. Дашковой.¹²⁵

Автор наиболее подробного очерка о перевороте 1762 г. В.А. Бильбасов предполагал аморфную, но и более широкую картину общественного недовольства. По его мнению, разделяемому некоторыми современными историками, до последнего дня «не было ни плана, ни проекта, ничего подготовленного для действия»; но была зато грозная сила общественного мнения, которая подняла «все полки, все сословия, весь народ».¹²⁶ С другой стороны, исследователи склоняются к наличию организованного заговора начиная с конца 1761 г.¹²⁷

Четкого плана у инициаторов заговора как будто не было — или Екатерина говорила с разными своими союзниками о разных планах. В письме к Понятовскому она сообщала о замысле схватить мужа и «заклечь, как принцессу Анну и ее детей» в 1741 г.; но в то же время она указывала и на идею Н.И.Панина о перевороте в пользу наследника Павла, с которым, по ее утверждению, категорически не соглашались гвардейцы.¹²⁸ Сам Панин о таком варианте по понятным причинам умолчал и неопределенно сообщал о некоем «решительном действии».¹²⁹ Однако о плане провозглашения Екатерины «правительницей» знал датский дипломат Андреас Шумахер — но с более радикальным завершением: заколоть императора на специально организованном пожаре и замаскировать убийство под «несчастный случай».¹³⁰ Если этот сюжет был реальностью, то российское «переворотство» сделало очередной шаг, когда инициаторы заговора уже планировали убийство законного государя.

При этом они учли урок 1741 г., когда правительство и столица оказались в какой-то мере заложниками гвардии. Предстояло решать сложную задачу: заручиться поддержкой «солдатства», при этом до поры не расширяя круга посвященных и не допуская преждевременных волнений. Придворным заговорам XVIII столетия явно не хватало организованности и конспирации более поздних времен. Не случайно Екатерина опасалась предательства, почти неизбежного, как показывал опыт, в придворно-карьерном мире.

Избрана была наиболее удачная тактика. На начальном этапе заговор, по-видимому, включал узкую группу лично близких людей (включая Орловых и Панина), которая за счет связей и широкого недовольства политикой Петра III смогла за 3–4 недели развернуться в солидное предприятие; отсюда и разница в точках отсчета времени подготовки «революции» у разных авторов.

Екатерина II определенно указывала на «четыре отдельных партии, начальники которых созывались для приведения [плана. — *И.К.*] в исполнение»; «узел секрета находился в руках троих братьев Орловых». Такой представляется структура заговора «по горизонтали»; «по вертикали» она через императрицу включала в себя недовольных вельмож; некоторые из них (как, например, К.Г. Разумовский) были связаны с Екатериной еще с 1756–1757 гг. Об этих-то двух «этажах» заговора сообщал К. Рюльер, когда писал, что Екатерина «управляла в одно время двумя партиями и никогда их не соединяла» — до той поры, когда это стало необходимым.¹³¹ С момента соединения «партий» пошел отсчет тех 3–4 недель, о которых упоминают участники.

Сами же эти «партии», как нам представляется, комплектовались не по принципу «штатские» - «военные», а на основе привычных клановых и патрональных связей. В этом смысле важны мемуары Дашковой, которая ошибочно полагала себя центральной фигурой переворота. Однако она действительно, находилась в центре, а точнее — на «перекрестке» тех связей, которые проходили между вельможно-придворной средой, где вращались молодая княгиня и Н.И. Панин (который также считал, что руководит Орловыми), и гвардейским офицерством, в рядах которого служили ее муж и его друзья.

Дашкова мыслила и действовала в пределах хорошо известных ей родственных отношений. В отсутствие мужа (которого ее дядя-канцлер отправил в Константинополь по причине недовольства императора) она «старалась утвердить в надлежащих принципах друзей моего мужа, капитанов Преображенского полка Пассека и Бредихина, ... братьев Рославлевых, майора и капитана Измайловского полка»; при том, что Бредихин «приходится нам родственником по жене, княжне Голицыной». Затем она обратилась к другому родственнику, молодому князю Н.В.Репнину (его жена — «двоюродная сестра моего мужа»), а через него — «открылась» дяде своего мужа, Н.И. Панину, которому Репнин приходился племянником. Наконец, о настроениях в армии она узнавала от другого дяди мужа, генерала М.Н. Волконского; «нам было уже легко убедить его принять деятельное участие в перевороте».¹³²

Так и складывались прочные нити, которые связывали гвардейских поручиков с «генералитетом». Состав же названных Екатериной II «партий» гвардейцев указан в известных «наградных» документах — списках пожалованных за участие в перевороте в 1762 г. и получивших за то же самое памятный серебряный сервиз в 1765 г. (последний перечень найден и опубликован В.А. Бильбасовым). В этих списках явно выделяются три группы офицеров: преображенцы во главе с капитан-поручиком П. Пассеком, измайловцы с премьер-майором Н. Рославлевым и конногвардейцы с ротмистром Ф. Хитрово. По непонятной причине в списках отсутствуют семеновцы; но в то же время важнейшую миссию доставки арестованного «бывшего» императора в Ропшу возложили на двух семеновских офицеров — Щербачева и Озерова. Возможно, эту самую четвертую «партию» составляли братья Орловы, двое из которых — Григорий и Алексей — служили именно в Семеновском полку с 1749 г.¹³³

Из солдат к заговору привлекались только избранные. Согласно дневнику статс-секретаря А.В.Храповицкого, в декабре 1788 г. императрица вспоминала, как она давала свою руку Преображенскому гренадеру Стволу в качестве «знака» для его «приступления» к заговору. В той же беседе спустя четверть века после переворота Екатерина уже называла не 10 тысяч солдат-участников (как она утверждала в письме к С. Понятовскому в августе 1762 г.), а «в каждом полку по 99», что также кажется преувеличенными цифрами.¹³⁴

Такая тактика была оправдана, о чем говорит эпизод с солдатом-преображенцем, пристававшим к офицерам с вопросом: «Скоро ли свергнут императора?», — в результате чего был арестован один из заговорщиков, Пассек. О такой же солдатской болтовне писал Г. Р.Державин: «Когда выйдет полк в Ямскую,... то мы спросим, куда и зачем нас ведут, оставя нашу матушку-государыню, которой мы рады служить». Попытки предупредить императора о возмущении (например, со стороны подполковника лейб-кирасирского полка Будберга или преобразенца И.А. Долгорукова) остались без ответа не только из-за беспечности Петра III, но и потому, что доносители не могли сказать ничего определенного ни о руководителях заговора, ни о составе «партий».

Известная децентрализация — при временной дезорганизации ведомства Тайной канцелярии — стала важным условием успеха заговорщиков. Особенностью «революции» 1762 г. стало соблюдение определенной дистанции между офицерами и солдатами с одной стороны и «генералитетом» и офицерами — с другой. Не случайно «главными заговорщиками» Дашкова считала своих друзей «Рославлевых, Ласунского, Пассека, Бредихина, Баскакова, князя Бярятинского, Хитрово». Но она совершенно не подозревала об истинной роли Орловых. Они оставались для нее на заднем плане, как привлеченные «основателями», и 18-летняя барышня считала себя вправе отдавать братьям указания вечером 27 июня.¹³⁵

Вельможи (как, согласно запискам Дашковой, Панин и Волконский) в офицерских сходках и «вербовке» не участвовали — скорее, позволяли себя уговаривать; но никакими обязательствами они себя при этом не связывали. Известен рассказ, как хитрый гетман Разумовский выслушал призывы одного из главных заговорщиков А.Орлова и... пожелал ему спокойной ночи. Характерно, что Дашкова также ничего не знала о роли Разумовского (одного из давних сторонников Екатерины в предполагавшемся перевороте в 1756 г.) и всерьез считала, что Рославлевы и Ласунский чуть ли не шантажировали своего полковника тем, «что и он завлечен в заговор».

В привлечении людей такого ранга главную роль сыграла сама Екатерина II; но она умела молчать: молодые офицеры представляли для нее намного более выигрышный «фон» переворота, чем опытные придворные интриганы. Однако в письме к барону Остену, составленному за месяц до переворота, она определенно указывала на подготовку будущей

акции и рассмотрение ею «разнообразных предложений» и даже «насильственных мер» по отношению к супругу.¹³⁶

Другие важные участники событий записок о перевороте не оставили. Среди них находились члены Императорского совета М.Н. Волконский и А.Н. Вильбуа (под его началом служил Г.Г. Орлов), сенатор (к тому же зять Н.И. Панина) И.И. Неплюев, первоприсутствующий в Синоде новгородский архиепископ Дмитрий Сеченов, а также высшие офицеры гвардейских полков: Преображенский подполковник Ф.И. Ушаков, семеновские майоры Ф.И. Вадковский и Я.А. Брюс, Преображенский майор А. А. Меншиков и другие лица. Можно предполагать, что вокруг них складывались свои кружки из родственников и подчиненных, чьи действия позволили указанным «персонам» принять верное решение и своей поддержкой определить судьбу трона.

Характерно поведение некоторых из близких к Петру лиц, как «директора над всеми полициями» Н.А. Корфа. По наблюдениям его адъютанта А. Болотова, он, «соображаясь с обстоятельствами, начал уже стараться понемногу себя от государя сколько-нибудь уже и удалять, а напротив того тайным и неприметным образом прилепляться к государыне императрице».¹³⁷ И до, и после переворота пользовались доверием Екатерины II обер-шенк и обер-гофмаршал двора ее мужа братья А.А. и Л.А. Нарышкины (их сестры были замужем за сыном И.И. Неплюева и К.Г. Разумовским), обер-камергер П.Б. Шереметев.

Еще одной новацией 1762 г. стало возрождение после 30-летнего промежутка идеи правового регулирования самодержавной власти. Дашкова из бесед с Паниным вынесла убеждение: «Мой дядя воображал, что будет царствовать его воспитанник, следуя законам и формам шведской монархии»; она же отметила: «Он стоял за соблюдение законности и за содействие Сената». Эти формулировки, кажется, возвращают нас к спорам о правлении юного Петра II под контролем матери-регентши и Сената в 1725 г. и проектам 1730 г.¹³⁸

Существование плана регентства Екатерины при Павле несомненно — о нем были осведомлены и иностранные дипломаты (А. Шумахер, английский поверенный в делах Г. Ширли и секретарь французского посла К. Рюльер), и Дашкова, и ротмистр Конной гвардии Ф.Хитрово. Однако о конкретных обязательствах, взятых на себя Екатериной, говорить сложнее: императрица могла выслушивать подобные предложения, но не связывать себя обещаниями. Неизвестны также и количество сторонников идеи, регентства среди заговорщиков, и степень распространения таких взглядов в гвардии. Ведь Дашкова даже якобы взяла с Панина «обещание, что он никому из заговорщиков не обмолвится ни словом о провозглашении императором великого князя, потому что подобное предложение, исходя от него, воспитателя великого князя, могло вызвать некоторое недоверие».¹³⁹

С другой стороны, если примеры 1725–1730 гг. вроде бы мало волновали общество, то тридцать лет спустя очевидцы единодушно сообщали о появлении повсеместного «ропота» в адрес императора. Исчез «рабский страх перед двором»; подданные «отваживались публично и без всякого опасения говорить и судить, и рядить все дела и поступки государевы»¹⁴⁰ — об этом писали не только армейский офицер Болотов и пастор Бюшинг, но и Дашкова, и дипломаты — датчанин Шумахер, французский поверенный в делах Беранже, австрийский посол граф Мерси и их соперник пруссак Гольц. Можно предположить, что эти признаки свидетельствуют о переходе к тому уровню дворянского самосознания, когда появляется критический подход к придворной среде, произволу власти и раболепию перед ней — но в то же время сохраняется авторитет самодержавной монархии как высшей мировоззренческой ценности,¹⁴¹ не позволявший еще ставить вопрос о ее ограничении.

Отмеченные современниками проявления общественного мнения и исчезновение «рабского страха» говорили о том, что за сравнительно спокойные 40–50-е годы выросло поколение более просвещенных и независимых дворян, чем их отцы во времена «бирановщины»: современные исследования позволяют говорить даже об особом

«культурно-психологическом типе» елизаветинской эпохи.¹⁴² Об этом же свидетельствуют выводы историков российского Просвещения о своеобразном «книжном буме» на рубеже 50–60-х гг. XVIII столетия, когда подросли новые дворяне-читатели, получившие уже иное, по сравнению с предками, образование.¹⁴³

Послужные списки дворян-рядовых Преображенского полка 1762 г. говорят о том, что по сравнению с солдатами 1725 г., гвардейцы 1762 г. стали более образованными (из них теперь только трое «не умели грамоте») и зажиточными: в среднем они имели по 20–30 душ, а многие — по 50–100 душ. Тот же вывод можно сделать и в отношении унтер- и обер-офицеров на основании списка гвардейцев 1764 г. с указанием их имущественного положения. Наши подсчеты показывают: среди 160 гвардейских сержантов только 17 дворян и разночинцев не имели крепостных; самыми бедными оказались как раз 12 лифляндских и эстляндских «немцев». Остальные же 116 сержантов владели в среднем 234,5 душами на брата, а состояние еще 9 превышало тысячу душ. Из 44 прапорщиков мелкопоместными оказались пятеро, среди 38 подпоручиков — двое.¹⁴⁴

Несомненно, повышению благосостояния гвардии немало способствовала и сама «эпоха дворцовых переворотов». Смещения и «восшествия» на престол уносили одних и расчищали путь другим. Так, безвестный доселе подпоручик Михаил Баскаков с декабря 1761 г. по март 1765 г. успел получить три повышения подряд, сделался одним из «героев» 28 июня и владельцем 1200 душ — такая карьера и не снилась гренадерам петровских времен.

Это новое поколение еще не было готово сочинять политические «проекты», но уже считало себя вправе «судить и рядить» действия своего государя. Наконец, прошедшая война не могла не оставить свой след в сознании современников Екатерины: поколение победителей Фридриха Великого не могло мириться с унижительным миром и ненужной войной за провинциальные голштинские интересы.

Можно предположить, что одним из следствий подобных настроений было распространение слухов о планах неуравновешенного императора, вроде загадочного опубликованного по копии из частного собрания «мнения», которое якобы «собственною рукою его подписано и в Синод представлено июня 25 дня 1762 году». В нем от церкви требовалось немедленно признать равноправие всех вероисповеданий, а вслед за тем «посты вовсе прекратить и чтоб не почитать в закон, но в произвольство. О гресе прелюбодейном не иметь никому осуждения, ибо и Христос не осуждал». Все монастырские крестьяне немедленно причислялись к государственным. Наконец, Синоду предписывалось «дать волю во всяких моих мерностях, и что ни будет от нас впредь представлено, не препятствовать».¹⁴⁵ Исследователей, кажется, не смущало, что столь «революционный» декрет означал беспрецедентное вторжение в канонические вопросы вместе с признанием права монарха на полный произвол в этой сфере, чего не позволяли себе не только такой крутой реформатор, как Петр I, но даже советская власть.

Думается, что при всем своем солдафонстве и влиянии «Бахуса» вместе с «грехом прелюбодейным» Петр, как человек своего времени, едва ли решился бы объявить подобный акт. Царь не жаловал православное духовенство, но отнюдь не был вольнодумцем: Штелин указывал, что его воспитанник «не любил никаких шуток над верой и словом Божиим». К тому же этот странный документ лишен каких бы то ни было формулярных признаков и лексики, присущих законодательным актам. Возможно, перед нами образец как раз «антипетровской» агитационной кампании, оформленный как предполагаемые планы императора в отношении гонимой церкви. Ведь манифесты Екатерины II ставили ему в войну именно «разорение церквей» и «принятие иноверного закона».

В других современных свидетельствах можно найти утверждения о «всенародном объявлении веры Лютера», скором обмене всех жен у министров или намерении царя

обвенчаться 29 июня с Елизаветой Воронцовой в протестантской кирке.¹⁴⁶ Возможно, перед нами «творчество» не столько «верхов», сколько столичных «низов», по-своему воспринимавших новоявленного реформатора.

Но, скорее, это еще одна специфическая черта событий 1762 г. За двадцать лет до этого Елизавета Петровна впервые развернула идеологическую кампанию по оправданию состоявшегося переворота, но тогда это произошло после захвата власти; Екатерина же и ее окружение начали такую кампанию до переворота с целью дискредитации императора. Не случайно очевидцы событий (испанский посол П. де Альмодовар) отмечали, что эти слухи появились как раз накануне рокового для императора дня 28 июня. Упразднение Тайной канцелярии только способствовало распространению порочащих императора слухов, которые некому было пресекать. Как известно, арест единственного из заговорщиков, П. Пассека, последовал уже слишком поздно. Сам же Пассек как раз и внушал гвардейцам, что они якобы «уступлены королю прусскому».¹⁴⁷

Петр III на первых порах явно стремился ублажить гвардию. В Преображенском полку, которым Петр командовал в качестве наследника с 1742 г., он буквально в первый день своего царствования повысил в рангах почти весь офицерский состав; несколько десятков офицеров гвардии, повышенных чинами 25 декабря 1761 года, через день-другой получили без всякой выслуги следующий чин. В их числе были Петр Пассек и адъютант Сергей Бредихин — будущие участники заговора. То же происходило и в прочих гвардейских полках: по подсчетам М.И. Семевского, повышение получили 333 унтер- и обер-офицера. Одновременно государь уволил во всех четырех полках более ста семидесяти человек: сержантов, вахмистров, прапорщиков и прочих чинов, до капитанов гвардии включительно.¹⁴⁸

Петр понимал роль гвардейского начальства в придворной жизни и сделал необходимые назначения. Подполковником преображенцев тогда же стал Н. Ю. Трубецкой, Конную гвардию царь поручил в феврале своему дяде Георгу; подполковниками Семеновского и Измайловского полков остались А.И. Шувалов и К.Г. Разумовский, к которым император благоволил.

Войска приветствовали нового государя. Но, по-видимому, эти чувства не были единодушными. В первый же день царствования 26 офицеров-преображенцев подали прошения об отставке по состоянию здоровья: из-за «обструкции в животе», «тиснения в груди» и «трепетания сердца». Милость была оказана; но в марте, апреле и мае в отставку стали проситься и другие офицеры Преображенского и Семеновского полков, в том числе вновь пожалованные.

Была ли это реакция на только что вышедший манифест о вольности дворянства или гвардейцы таким образом выражали свое неодобрение — сказать на основании казенных документов трудно. Но такая инициатива накануне нового похода была императору явно неприятна. Следствием явился поступивший в апреле приказ о запрещении произведения при отставке в следующий чин тех, кто не выслужил в предыдущем году. Месяц спустя император-полковник довел до сведения подчиненных, что многие унтер-офицеры просят в отставку, «не имея никаких болезней», и повелел отправлять таких прямо в действующую армию.¹⁴⁹

Книга приказов 1762 г. по Семеновскому полку показывает, что с первых дней царствования Петр III повел наступление на гвардейские вольности. В первый день нового года он приказал военным новые мундиры «иметь недлинные и неширокие, и рукава б у тех были узкие с малинками обшлагами, так как пред сим во всей армии имелись; и салютация эспонтонами, как прежде до 1740 году чинено было». Для начала офицерам было велено носить «белые волосяные банты», белые штіблеты и салютовать эспонтонами, а солдатам — новые шляпы «против опробованных». На вахтпарадах царь сам следил, чтобы у офицеров «воротники у кафтанов вплоть пришиты были», а солдат учил «держатъ ружья

опустя вдоль руки на правом плече круче». Недовольный выправкой гвардейцев, Петр приказал офицерам лично обучать каждого солдата «в своих покоях» и маршировать по «расписанию темпов». Он распорядился и о том, чтобы «солдатские жены вина не выносили». Все эти меры были им приняты только за первые две недели 1762 г.¹⁵⁰

В марте переобмундирование приказано было завершить; при этом сукно офицерам велено покупать «от себя», а за новые аксельбанты вычитать у них из жалования. «Постройка» новых мундиров продолжалась до июня и обошлась только одному Преображенскому полку в 69 тысяч рублей, которые так и не были выплачены даже к концу года. Новая офицерская форма «со всем прибором» тянула, по свидетельству полковых документов, на огромную для небогатого дворянина сумму — 130 рублей. Уже после переворота командование просило избавить от вычетов на мундир всех, у кого было меньше 200 душ. Но ведь, кроме парадного («богатого») мундира офицеров обязали сделать себе и обычные «вицмундиры».¹⁵¹

Полковые бумаги говорят, что вслед за введением новых штатов и формы в полках начались частые учения — «полковой строй» по только что отпечатанному уставу. Премудростям новой экзерциции пришлось обучаться как 18-летнему рядовому-преображенцу Гавриле Державину (он и на склоне лет помнил, «как он платил флигельману за ученье некоторую сумму денег»), так и его командиру — старой придворной лисе Никите Трубецкому. Одно за другим следовали замечания: о ношении шпаг, сделанных только «по образцу»; немедленном «выбелении» древков у алебард и даже запрещении «накладных усов» — сей признак доблести «велеть отращивать» естественным образом.

Гвардейских гуляк приказано было отлавливать специальному караулу, поставленному у самого популярного кабака «Звезда», увековеченного в стихах служившего в те времена в Семеновском полку поэта В.И. Майкова:

*«Против Семеновских слобод последней роты
Стоял воздвигнут дом с широкими ворота,
До коего с Тычка не близкая езда;
То был питейный дом названием “Звезда”...
Там много зрелось расквашенных носов,
Один был в синяках, другой без волосов,
А третий оттирал свои замерзлы губы,
Четвертый исчислял, не все ль пропали зубы
От поражения сторонних кулаков».*

Такое покушение на «русский дух» вместе с ужесточением дисциплины и дорогостоящим переодеванием не добавляли императору симпатий, тем более что новые строгости не все смогли выдержать. Сослуживцам приходилось выполнять и такие приказы: «Удавившегося гренадера Ивана Михайлова зарыть в землю в том месте, где обыкновенно удавленники зарываются».

Дело было не только в муштре. Штедин совершенно определенно сообщал о планах Петра преобразовать гвардейские части, которые «блокируют резиденцию, неспособны ни к какому труду, ни к военной экзерциции и всегда опасны для правительства».¹⁵² Найденные нами документы подтверждают, что это были не только слова.

Уже в марте Петр распустил елизаветинскую Лейб-компанию и уволил в отставку ее командира И.С. Гендрикова. В мае командир Преображенского полка Н. Ю.Трубецкой распорядился выпустить в армию всех «неспособных, малорослых, собою гнусных», а также «недостаточных» солдат и унтер-офицеров.¹⁵³ 18-19 июня он же передал из Ораниенбаума повеление Военной коллегии срочно начать пополнение Преображенского полка солдатами из армейских полков и гарнизонных частей; первая партия в 100 человек таких счастливых из Астраханского гарнизона уже была вытребована в столицу.¹⁵⁴

Одновременно была развернута вербовка в «голландские» войска, и к моменту переворота в Ораниенбауме содержались первые 224 новобранца из «малороссиян».¹⁵⁵ Недавнее исследование о формировании голландских войск показало, что Петр III форсированно создавал не просто еще одну гвардейскую часть, а принципиально новый десяти тысячный корпус, который неизбежно должен был со временем заменить «старые» полки.¹⁵⁶

Девятого июня царь отказался от звания полковника трех пехотных полков гвардии и передал его соответственно Н.Ю. Трубецкому, А.И. Шувалову и К. Г. Разумовскому. Отменены были даже обычные символы императорского внимания — «именинные и крестинные деньги», которые теперь было приказано причислять к жалованию. Последний из отданных приказов от 25 июня об отправке сводного отряда гвардейцев на заморскую войну оказался как нельзя кстати для организаторов заговора; к тому же гвардейцам не на что было выступать, и полковое начальство 26 июня срочно просило выдать 10 тысяч рублей.

Подобные акции могли только усиливать недовольство в полках. Политика Петра III, ее приемы в виде «стремительного желания завести новое» (по замечанию повзрослевшего наследника Павла) и сам повседневный стиль жизни монарха вызывали неизбежное отторжение головных бюрократических структур, двора и гвардии, т.е. тех самых сил, которые являлись его основной опорой в самодержавной системе. Можно предположить, что именно осознание безнадежности политического курса императора вызвало у мемуаристов (даже тех, которые лично никак не были обижены или заинтересованы в перевороте, как придворный ювелир По зье или адъютант Петра III Сивере) ожидания «тяжелого несчастья».¹⁵⁷

Не было их только у самого императора, сильно облегчившего задачу своим противникам тем, что отбыл 12 июня в любимый Ораниенбаум, забрав с собой всех своих наиболее надежных приверженцев. Здесь Совет принял — уже без возражений — последние решения о срочном сборе средств на войну, немедленной «здаче королевства Прусского» немецкой администрации, создании «походной канцелярии». 27 июня на его последнем заседании был утвержден список императорского «поезда» из 150 карет, фур и кибиток для следования до курляндской Митавы и далее в действующую армию.¹⁵⁸

«Благополучная перемена отечеству»

В своих мемуарах Екатерина весьма лаконично описала организованный ею переворот, но дала понять, что события развернулись внезапно и «старшие» по чинам заговорщики — Панин и Разумовский — колебались, считая выступление преждевременным. Однако в письме Понятовскому она сообщила о запланированной возможности преждевременного выступления: «В случае предательства не станут ждать его [императора. — *И. К.*] возвращения, но соберут гвардейцев и провозгласят меня».

Тщательно изучавший материалы об этом событии В.А. Бильбасов не случайно полагал: «Екатерина знала тогда больше, чем мы теперь. В письме к графу А.Г. Орлову от 7 июля 1789 г., двадцать семь лет после переворота, она писала: “Никогда не забуду 24, 26 и 28 июня”. Екатерина знала об услугах, оказанных ей Алексеем Орловым в понедельник, 24 июня, и в среду, 26, — мы не знаем». Историк указывает на обнаруженный им проект указа о недопущении «нападений на кабаки», который был подписан императрицей как раз 26 июня, т.е. за два дня до переворота, но опубликован в исправленном виде 30-го числа.¹⁵⁹

Пока это едва ли не единственное документированное свидетельство организационной подготовки переворота. Известие о сочинении и печатании в ночь с 27 на 28 июня 1762 г. в академической типографии манифеста о вступлении Екатерины на престол проверке пока не поддается.¹⁶⁰ Непонятна роль некоторых лиц; среди них —

французский граф Сен-Жермен, которому через несколько лет отдадут должное уже вошедшие в силу Орловы: «Вот человек, который сыграл большую роль в нашей революции».¹⁶¹ Чем-то важным была обязана Екатерина актеру Федору Волкову, которому после переворота пожаловала вместе с братом дворянство и 700 душ.¹⁶² Нам неизвестно также, чем занимался будущий статс-секретарь Екатерины и доверенное лицо гетмана Г. Н. Теплов.¹⁶³

Известно, что накануне событий, в июне, царица нуждалась в средствах и обратилась за помощью к послу Бретейлю. Просила она сравнительно небольшую сумму - 60 тысяч рублей; но дипломат уклонился от деликатной операции, собираясь выехать из России. Он поручил это дело секретарю посольства Беранже — но теперь уже отказалась Екатерина: «Покупка, которую мы хотели сделать, — писала она во врученной Беранже записке, — будет сделана, но гораздо дешевле; нет более надобности в других деньгах».¹⁶⁴

Очевидно, императрица нашла иной источник финансирования. О получении ею «ссуды» в 100 тысяч рублей от английского купца Фельтена сообщают только французские авторы сочинений о перевороте Лаво и Кастера.¹⁶⁵ Однако любопытно, что в числе главных героев переворота оказался скромный разночинец, кассир банковской конторы Алексей Евреинов. Как и Федор Волков, он стал потомственным дворянином, к коронации получил капитанский чин и в придачу 10 тысяч рублей (эквивалент предполагавшихся к выдаче 300 душ); закончил же он свою необычную карьеру в 1765 г. майором в отставке выдачей за неведомые нам заслуги 4 тысяч рублей.¹⁶⁶

Внешняя сторона событий подробно освещена в труде В.А. Бильбасова и других авторов, что избавляет нас от ее пересказа,¹⁶⁷ хотя и здесь остаются некоторые загадки. Ранним утром 28 июня находившуюся в Петергофе и якобы ничего не подозревавшую Екатерину разбудил прискакавший из города Алексей Орлов. Честь этой «командировки» дружно приписывали себе как Панин, так и Дашкова, — что, возможно, одинаково несправедливо. Оба мемуариста появились «на сцене» уже тогда, когда успех переворота обозначился вполне определенно, и в предшествующих событиях не участвовали. Далее все источники повествуют о прибытии императрицы (примерно в 8 утра) в распоряжение Измайловского полка, где ее с энтузиазмом приветствовали и тут же принесли присягу.¹⁶⁸

Как особо отмечает в своем весьма сжатом тексте Екатерина, «солдаты были все предупреждены, но оставались у себя, а когда они пришли, провозгласили ее самодержавной императрицей». О такой подготовке события свидетельствуют и информация Шумахера (о вечернем сборе Измайловского полка, где офицеры-заговорщики «раскрыли солдатам собственные замыслы»), и челобитная только что отставленного Петром III семеновского капитан-поручика Василия Салтыкова. Из нее следует, что заранее предупрежденный о «прибытии» Екатерины офицер ночью обходил слободы Измайловского и Семеновского полков — «не учинитца ли где какого препятствия» предстоящей операции, — и первым поприветствовал беглую царицу от имени своего полка.¹⁶⁹

Собственно, это был решающий момент в запуске механизма переворота. Во-первых, заговорщики сумели настроить солдат и не допустить; никакого замешательства, что, очевидно, требовало предварительной подготовки и, во всяком случае, благожелательного отношения большинства офицеров. Колебания в полку были: не явился премьер-майор А. Шепелев, отказался присягать капитан-поручик С.Абрамов;¹⁷⁰ но сопротивление, если оно и имело место, было быстро сломлено. Таким образом, мятежница сразу получила в свои руки военную силу.

Во-вторых, после успешного начала «действия» тут же как из-под земли вокруг нее появились фигуры генеральского ранга, прежде всего — Командир полка К.Г. Разумовский. С 12 июня он находился с императором в Ораниенбауме, но каким-то образом вовремя его покинул, бросив жену и дочь. Документы Коллегии иностранных дел подтверждают, что 26

июня гетман был объявлен главнокомандующим и должен был вступить в переговоры с прусскими властями.¹⁷¹

В-третьих — и это самое интересное — дальнейшие действия развернулись по нестандартному пути. Во время предшествовавших переворотов их инициаторы стремились прежде всего овладеть дворцом и его хозяевами. Теперь события развивались по-иному: царя в столице не было, и на первый план вышла задача поднять и присоединить к восставшим все полки гвардии.

Измайловцы во главе с Екатериной и Разумовским отправились к семеновским казармам, и семеновцы дружно выбежали навстречу, т.е., надо полагать, были уже подготовлены. Теперь уже два полка двинулись к Невской «перспективе» и по ней — к новому Зимнему дворцу. Во время молебна в Казанском соборе царицу окружали уже не только солдаты и офицеры, но и подоспевшие высшие чины — А.Н. Вильбуа, М.Н. Волконский; туда же (как наблюдал Испанский посол¹⁷²) прибыл с наследником Павлом Н.И. Панин. Он стал одним из первых лиц в рядах победителей, но после провозглашения Екатерины императрицей в полках и «многолетия» ей в соборе говорить о регентстве было уже бессмысленно. В это время прискакала Конная гвардия; кто и как ее поднимал, у нас известий нет.

О следовании Екатерины по «начертанному» им плану говорил в своем рассказе Панин,¹⁷³ хотя наделе указанный им маршрут (Конная гвардия — Измайловский — Преображенский — Семеновский полки) не был — да и не мог быть — соблюден. Ведь «слободы» Измайловского и Семеновского полков располагались рядом на Фонтанке и находились по пути Екатерины из Ораниенбаума; казармы преображенцев располагались далее, за Литейной улицей; конногвардейцы жили еще дальше, у Смольного.¹⁷⁴ Возможно, эта «нестыковка» лишний раз подтверждает, что не Панин реально руководил военной частью операции. Но, так или иначе, новая тактика «полк поднимает полк» оказалась эффективной прежде всего тем, что парализовала усилия оставшихся верными присяге офицеров.¹⁷⁵

Другой, не менее эффективной, мерой оказался пущенный утром слух: «Уверяли, что император мертв — он якобы накануне вечером пьяный свалился с коня и сломал себе шею», — засвидетельствованный Шумахером, Позье и голландским резидентом Мейнерцгагеном. Штелин же передал рассказ прибывших на следующий день в Ораниенбаум офицеров: «Нас обманули и сказали, что император умер».¹⁷⁶

Однако такой способ имел и свои недостатки: вышла заминка с выступлением Преображенского полка. По воспоминаниям Державина, в 8 утра (т.е. в то время, когда Екатерина уже прибыла к измайловцам) преображенцев поднял прискакавший конногвардеец, «который кричал, чтоб шли к матушке в Зимний каменный дворец». Но здесь «партия» заговорщиков-офицеров не смогла быстро овладеть положением. Свидетельства двух в то время юных преображенцев — Семена Воронцова и Гаврилы Державина — хотя и написаны на склоне лет, но позволяют в какой-то мере оценить ситуацию «изнутри» возбужденной гвардейской толпы. Оба автора, не являясь участниками заговора, зафиксировали растерянность солдат и части офицеров. Один наткнулся на не входившего в «партию» майора Текутьева, «в великой задумчивости ходящего взад и вперед, не говорящего ни слова»; другой наблюдал бездействовавших заговорщиков — Бредихина, Баскакова и Бярятинского: «Они мне ничего не отвечали и глядели друг на друга, бледные, растерянные».

В ситуации, когда солдаты еще не вполне были готовы к открытому бунту, очень многое зависело от того, кто из авторитетных командиров возглавит привыкших идти за начальником рядовых. Верные присяге офицеры во главе с капитаном Измайловым и секунд-майором Воейковым пытались перехватить инициативу — и колонна, как казалось тогда Воронцову, была уже готова ударить в штыки на мятежников. «Электрическим

ударом» стал призыв старшего по чину — сына «светлейшего», премьер-майора А.А. Меншикова: «Виват императрица Екатерина Алексеевна!» — после чего дисциплина разом исчезла, и Воронцову со товарищи пришлось спасаться бегством.¹⁷⁷

Итак, преображенцы присоединились к мятежным полкам по частям. Екатерина отметила появление у Казанского собора гренадерской роты, которая даже столкнулась с измайловцами, не захотевшими уступить охрану кареты императрицы первому гвардейскому полку. Рядовой Державин со своей третьей ротой увидал Екатерину уже в Зимнем дворце, куда процессия вступила после молебна в соборе и, в свою очередь, обратил внимание, что его полк по подозрению в расположении к свергнутому императору «поставлен был внутри дворца».

Усиленные меры предосторожности, впрочем, не потребовались. Расположенные в Петербурге полки, как и в 1741 г., были малочисленны и опасности не представляли. Правда, руководители переворота опасались расположенных на Васильевском острове Ингерманландского и Астраханского полков; но все обошлось благополучно: их солдаты арестовали полковников и, как писал Шумахер, «захотели разделить честь спасения отечества». По свидетельству очевидца, ювелира Позье, даже любимый лейб-кирасирский полк Петра III не оказал сопротивления и был приведен к присяге.

В Зимнем дворце Екатерина приняла присягу у собранных полков и высших чинов империи; манифест о вступлении на престол читал перешедший на сторону сильнейшего генерал-прокурор Глебов. Где-то после 12 часов императрица и ее свита перешли в старый деревянный зимний дворец, который также был окружен войсками, размещенными по всем соседним улицам. Здесь и началось формирование новой системы власти. Сочинялись манифесты и указы войскам. Герои дня Меншиков и Волконский стали «полными» генералами; Волконский возглавил Конную гвардию, а премьер-майором преображенцев был назначен решительный генерал В.И. Суворов.

Сенат принял решение о переделке всех государственных печатей в учреждениях. В его состав тут же были введены Н.И. Панин, К.Г. Разумовский, Я.П. Шаховской, Ф.И. Ушаков, М.Н. Волконский, обер-гофмейстер М.К. Скавронский, обер-камергер П.Б. Шереметев и Н.А. Корф; трое последних возглавляли соответственно штат двора и полицию.

Сразу «включились» в работу прибывшие из Ораниенбаума и перешедшие на сторону Екатерины Н.Ю. Трубецкой и А.И. Шувалов, причем Трубецкой успел первым поставить свою подпись на первом же в этот день сенатском протоколе. М.И. Воронцов также подписал протокол; вопреки свидетельству племянницы, он принес присягу новой императрице.¹⁷⁸

В придворно-бюрократической среде, в отличие даже от недовольной гвардии, колебаний не было видно. Лишь немногие любимцы Петра III, как его генерал-адъютант Андрей Гудович, остались до конца верными монарху. Остальные при первой возможности перешли на сторону Екатерины, как, например, Петр Трубецкой. Молодой князь успешно начал карьеру, стал камергером и обер-прокурором Сената; только что он восхищался в своем дневнике дарованной «вольностью» и знаками внимания к отцу — и 28 июня записал: «Благополучная перемена отечеству. Счастливое восшествие на престол ее императорского величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны, избавительницы империи российской».¹⁷⁹

Судя по протоколам Военной коллегии, она работу не прерывала, несмотря на переворот. Военное начальство во главе с генерал-лейтенантом С.И. Карауловым с 10 часов утра до 16 вечера работало на месте и исполняло приказы Екатерины; отсутствовал только президент Н.Ю.Трубецкой «за бытием при дворе ее императорского величества».¹⁸⁰ Благодаря этому обстоятельству, а также усилиям «дежурных» генерал-адъютантов (фельдмаршалов Разумовского и Бутурлина), мятежники были в курсе расположения и

передвижения военных частей в окрестностях столицы; их посланцы успели перехватить эти полки и «команды» прежде, чем они получили приказы Петра III двигаться в Ораниенбаум. Почта задержала всю корреспонденцию, направленную к лицам «голштинской службы» из окружения императора.¹⁸¹

Быстрое развитие событий дало мятежникам важное преимущество во времени в 6–7 часов, что едва ли не учитывалось заранее. Петр III еще не подозревал поутру, что его власть уже не распространяется за пределы резиденции. Он еще успел провести «экзерцицию» своих войск и пожаловать 1000 душ М.Л. Измайлову и мызы в Лифляндии бригадирам Дельвигу и Цеймарну.¹⁸² Только около 13 часов дня при отъезде в Петергоф он получил первое известие об исчезновении супруги. Далее, по рассказам сопровождавших его лиц (Штелина, адъютанта Сиверса и прусского посла Гольца), несколько часов ушло на совещания и рассылку уже опоздавших распоряжений в армейские и гвардейские полки. Даже предложенное Гольцем бегство к действующей армии было уже невозможным. Посланный приказ о присылке из ямских слобод 50 лошадей дошел по назначению тогда, когда его никто уже не собирался исполнять, и был доставлен в Сенат.¹⁸³

Императора могли спасти либо бросок в Кронштадтскую крепость, либо следование совету опытного Миниха: лично «явиться перед народом и гвардией, указать им на свое происхождение и право, спросить о причине их неудовольствия и обещать всякое удовлетворение». Тогда, да и позднее явление монарха — как, например, Николая I на площади перед мятежной толпой в 1831 г., — могло изменить ситуацию. Но на последнее Петр не был способен, а на первое решился только к ночи.¹⁸⁴ Однако к тому времени прибывший в Кронштадт адмирал Талызин уже привел моряков и гарнизон крепости к присяге Екатерине и выдал им по «порционной чарке». Приплывший со свитой Петр III после двукратной попытки высадиться вынужден был отправиться в 3 часа ночи обратно в Ораниенбаум.

К 7 часам утра в Петергоф и Ораниенбаум вошли передовые части войск, отправившихся вечером 28 июня с Екатериной во главе в поход на резиденцию «бывшего императора». Несколько часов спустя Петр подписал отречение от престола, копию которого Екатерина отправила в Сенат, за что получила оттуда благодарность «с крайним восхищением» от имени всего общества.¹⁸⁵ По донесению Гольца, император отрекся «при условии, что он сохранит свою свободу и управление своими немецкими владениями»; но сам дипломат не мог гарантировать достоверность такой договоренности.¹⁸⁶ Что же касается «своеручного» отречения императора, то где и когда подписал его Петр и почему оно было обнародовано только после его смерти, не вполне понятно.¹⁸⁷ Но уже к вечеру того же дня он был отправлен под конвоем к месту своего последнего заключения — в пригородную «мызу» Ропшу.

Трагическая судьба пленника сразу же вызвала немало вопросов и версий относительно обстоятельств его смерти и степени участия в ней самой Екатерины и ее окружения. Уже современники отвергали официальную версию и дату смерти Петра 6 июля: пастор А. Бюшинг, Шумахер, барон Ассбург и ювелир Позье единодушно и независимо друг от друга называли днем его кончины 3 июля, Штелин — 5 июля. Разошлись и мнения историков. Большинство придерживается и сейчас официальной даты; Бильбасов знал о перечисленных выше версиях, но не считал возможным им поверить. Недавно обнаруженные документы караула в Ропше из библиотеки Зимнего дворца, кажется, подтверждают, что к 5 июля Петр был уже мертв: для облачения тела понадобилось втайне и срочно доставить из Ораниенбаума его голштинский мундир.¹⁸⁸ К этому можно добавить, что еще в XIX веке управляющий архивом Сената П.И. Баранов определенно полагал, что император «скончался не 6, но 4 июля 1762 г.»¹⁸⁹

Что же касается организации «прежестокрой колики», то, как бы ни хотелось иным авторам видеть в происшествии только «пьяную нежданную драку» с последующим

раскаяться, поверить в это трудно. Однако и сейчас мы можем только гадать, последовала ли гибель монарха с молчаливого согласия Екатерины или без такового — или, напротив, явилась результатом действий заговорщиков, желавших обезопасить себя и связать руки императрице.¹⁹⁰

Приходится согласиться с мнением прусского посла Гольца, 10 августа доложившего в Берлин: «Невозможно найти подтверждение тому, что она [Екатерина. — *И.К.*] лично отдала приказ об убийстве», но эта смерть слишком выгодна тем, «кто управляет государством сегодня». В числе этих лиц находились не только Орловы, но и прежде всего Н.И. Панин. Теперь, помимо воспитания наследника, он заседал в Сенате, приступил к делам внешнеполитическим и стал чем-то вроде шефа службы безопасности: именно Панин отправлял в Ропшу Петра, ведал охраной другого царственного узника — Ивана Антоновича — и возглавлял целый ряд следственных комиссий по делам, о которых еще пойдет речь.

Своевременно появился манифест от 6 июля, предварявший сообщение о смерти императора. Составители документа собрали все возможные претензии в адрес свергнутого государя: «расточение» казны, «потрясение» православия, «ниспровержение» порядка, «пренебрежение» законами, приведение страны «в совершенное порабощение» — и даже абсолютно лживые обвинения в «принятии иноверного закона» и намерении «истребить» жену и сына-наследника.

В отличие от незамысловато-наивного манифеста Елизаветы о возведении ее на престол по просьбе «лейб-гвардии нашей полков», авторы этого любопытного текста устранили саму возможность получения престола по чьей-то воле. Екатерине сам Бог «определил престол отечества Российского воспринять»; она отдала «себя или на жертву за любезное отечество, которое от нас по себе заслужило, или на избавление его от мятежа и крайнего кровопролития». В ответ народ и «чины духовные, военные и гражданские» (а не только гвардия) изъявили «желание вообще к верноподданству» и принесли присягу. Далее публиковались текст «добровольного» отречения «бывшего государя» и обещание «быть достойны любви нашего народа, для которого [но не по воле которого. — *И.К.*] признаваем себя быть возведенными на престол».¹⁹¹

Так завершилась самая долгая и самая массовая дворцовая «революция» XVIII в., представлявшая собой новый этап в развитии российского «переворотства». Здесь впервые был создан настоящий заговор с достаточно высоким уровнем конспирации, превратившийся за несколько недель в серьезное предприятие; дискредитировавшие императора слухи и толки распространялись заранее; основная масса «солдатства» была соответствующим образом настроена, но непосредственно в подготовке выступления не участвовала. Необычной была и тактика: организаторы заговора обеспечили присоединение к мятежу одного за другим всех гвардейских полков, чем парализовали верных присяге офицеров. Однако последствия переворота продолжали беспокоить правящие круги империи еще несколько лет.

¹ Сб. РИО. Т. 136. С. 54.

² Осенью 1759 г. М. И. Воронцов в особой «промемерии» отметил, что его страна «никаким образом... не включена» в предполагавшееся договорами союзников послевоенное устройство и, таким образом, является лишь «полезным сему великому зданию орудием». В этом документе он выдвинул главное требование России — о присоединении Восточной Пруссии (см.: *Щебальский П. К.* Политическая система Петра III. М., 1870. Приложение. С. 24).

³ См.: *Черкасов П. П.* Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в. 1700-1775. М., 1995. С. 203-205.

- ⁴ См.: *Oliva L. Misalliance: A Study of French Policy in Russia during Seven Year's War.* N. Y., 1964. P. 89, 159-160. Яков Убри стал секретарем Коллегии иностранных дел в марте 1761 г. (см.: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. № 106. 4.7. Л. 16).
- ⁵ См.: Русский двор в 1761 г. // РС. 1878. № 10. С.200; *Oliva L. Op. cit.* P. 177.
- ⁶ См.: *Ibid.* P. 179, 182.
- ⁷ См.: АКВ. Кн. 4. С. 176.
- ⁸ Подсчеты Военной коллегии см.: РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. № 200. Л. 1-2 об.
- ⁹ См.: РГВИА. Ф. 39. Оп. 1/79. № 253. Л. 21-27.
- ¹⁰ См.: РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. № 24. Л. 4.
- ¹¹ См.: Там же. Л. 201 об., 203-204, 206 об. В середине декабря Сенат уже рассчитал предстоявшие расходы на жалование и провиант, нашел их меньшими, чем в 1761 г., и видел возможным покрыть эти издержки за счет доходов от продажи вина и соли и «прибавочных» денег с черносошных крестьян (см.: Сенатский архив. СПб., 1907. Т. 12. С. 108-110; РГАДА. Ф.248. Оп. 113. № 1111. Л. 218, 226-227).
- ¹² См.: Две заметки Екатерины II // РА. 1863. № 7. С. 383-384. Другое изложение той же версии, где она датируется декабрем 1761 г., см.: *Шумигорский Е. С.* Императрица Екатерина II в начале царствования Петра III // РС. 1899. № 4. С. 30.
- ¹³ *Горьин С.М.* Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла Ч. Г. Уильямса 1756 и 1757 гг. // ЧОИДР. 1909. Кн. 2. С. 35, 47-48. Екатерина составила специальную инструкцию мужу, 6 из 17 параграфов которой были посвящены задаче немедленного приведения гвардии и «лейб-кампании» к присяге (см.: *Екатерина II.* Записки. СПб., 1907. С. 556-558).
- ¹⁴ См.: Там же. С. 49-50, 112, 121, 217, 275.
- ¹⁵ См.: *Чечулин Н. Д.* Екатерина II в борьбе за престол (по новым материалам). Л., 1924. С. 101-103.
- ¹⁶ *Горьин С.М.* Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла Ч. Г. Уильямса 1756 и 1757 гг. С. 111, 248, 269.
- ¹⁷ См.: Щепкин Е.Н. Падение канцлера графа А.П. Бестужева-Рюмина. Одесса, 1901. С. 12, 15, 17.
- ¹⁸ Об обстоятельствах «падения» канцлера см.: Бильбасов В.А. История Екатерины II. Берлин, 1900. Т.1. С. 370-381; Семевский М.И. Противники Фридриха Великого. Апраксин и Бестужев-Рюмин (очерк из русско-прусской войны 1756-1762 гг.) // Военный сборник. 1862. № 5; Соловьев С.М. Соч. В 18-ти кн. М., 1993. Кн. XII С. 422-435; Щепкин Е.Н. Указ. соч.
- ¹⁹ См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 68. Л. 10.
- ²⁰ См.: Черкасов П.П. Указ соч. С. 149.
- ²¹ См.: Щепкин Е.Н. Указ соч. С. 14.
- ²² Исчезли протоколы допросов Бестужева от 25 февраля 1758 г., упомянутые в докладе о его «винах» (см.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 385. Л. 31 об.)
- ²³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 385. Л. 29 об. См. также: Бильбасов В.А. Исторические монографии. СПб., 1901. Т. 3. С.124-125.
- ²⁴ См.: *Le Donne J. Ruling Families in the Russian Political Order, 1689-1725 // Cahiers du monde russe et sovietique.* 1987.Vol. 28, № 3-4. P. 300.
- ²⁵ См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 68. Л. 1-2.
- ²⁶ См.: Бумаги И.И. Шувалова // РА. 1867. № 1. С. 84-85.
- ²⁷ См.: АКВ. Кн. 4. С. 518-519.
- ²⁸ См.: Черкасов П. П. Указ. соч. С. 222.
- ²⁹ См.: Шумигорский Е. С. Донесения датского посла Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 г. // РС. 1914. № 11. С. 271.
- ³⁰ АКВ. Кн. 6. С.299.
- ³¹ Оно не вошло в издание РИО. См.: Шефер А. Из последних дней русской императрицы Елизаветы // ЧОИДР. 1877. Кн. 2. С. 6-15 отд. паг.
- ³² См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. № 3364. Л. 180.
- ³³ Секретарь датского посольства Андреас Шумахер утверждал, что текст завещания о передаче престола Павлу существовал, но в момент смерти Елизаветы был выдан фаворитом наследнику (см.: Дворцовые перевороты в России 1725-1825. Ростов н/Д., 1998. С. 293).
- ³⁴ Гакстгаузен сообщал о подарках, розданных Петром офицерам гвардии накануне смерти Елизаветы (см.: Шумигорский Е.С. Донесения датского посла Гакстгаузена о царствовании Петра и перевороте 1762 г. // РС. 1914. № 10. С. 75).
- ³⁵ Записки Штелина о Петре Третьем, императоре всероссийском // ЧОИДР. 1866. Кн. 4. С. 95 отд. паг.; Шумигорский Е. С. Донесения датского посла Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762г. // РС. 1914. № 11. С. 267.

- ³⁶ См.: Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ. СПб., 1799. С. 93; Мальгин Т. Зерцало российских государей. СПб., 1794. С. 584-587; Нехачин И. Новое ядро российской истории. М., 1810. Ч. 3. С. 105; История царствования императрицы Екатерины II для чтения юношества. СПб., 1844. С. 15.
- ³⁷ См.: Щебальский П. К. Указ. соч.
- ³⁸ См.: Соловьев С.М. Соч. 1994. Кн. XIII. С.56, 62-63, 66-68; Ключевский В.О. Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т. 4. С. 317-322; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 595, 601-603; Бильбасов В.А. История Екатерины II. Т. 1. С. 458, 465; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983. С. 324; История России с древнейших времен до 1861 г. / Под ред. Н.И. Павленко. М., 1996. С. 298; История России с начала XVIII до конца XIX в. / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 1996. С. 133-135.
- ³⁹ См.: Мыльников А.С. Петр III // ВИ. 1991 № 4-5. С. 52-53, 56; Наумов В.П. Петр III // Романовы: Исторические портреты. М., 1997. Ч.1. С.558, 565, 600; он же. Удивительный самодержец: загадки его жизни и царствования // На российском престоле. XVIII век. М., 1993. С.306, 313, 315, 323; Leonard C. Reform and Regicide. The Reign of Peter III of Russia. Bloomington, 1993.
- ⁴⁰ Каменский А.Б. «Под сепию Екатерины...»: Вторая половина XVIII в. Л., 1992. С. 57.
- ⁴¹ См.: АКВ. Кн. 7. С. 525-527; АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. № 31. Л. 149-150.
- ⁴² См.: Список лейб-гвардии Преображенского, Семеновского, Измайловского и Конного полков, также и сухопутного шляхетного кадетского корпуса в разные числа декабря месяца прошлого 1761 да сего 1762 года генваря месяца, по поднесенным докладам, и особо по именным имп. величества указам пожалованным штаб- и обер-офицерам генваря 26 дня 1762. СПб., 1762.
- ⁴³ См.: Волынский Н.П. Научно-историческое исследование неточностей, вкравшихся в хроники полков лейб-гвардии кирасирских. СПб., 1906. С. 172-173; РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. № 62. Л. 21; Ф. 463. Оп. 1. № 9. Л. 14, 24, 37, 79.
- ⁴⁴ См.: Сочинение Петра III // ИВ. 1888. № 1. С. 251-252; РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. № 92. Л. 1-2.
- ⁴⁵ Молодой царь был отнюдь не красавцем, и по вступлении на престал, оценивая собственное изображение на новом рубле, заметил: «Ах, как ты красив! Впредь мы прикажем представлять тебя еще красивее» (цит. по: Записки Я. Штелина об изящных искусствах в России. В 2-х ч. М., 1990. Ч.1. С. 333).
- ⁴⁶ См.: Арсеньев А. В. Непристойные речи// ИВ. 1897. № 7. С. 69; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 992. Л. 3 об.; № 1150, 1325, 1344, 1464, 1542, 1564, 1595, 1606, 1644, 1733.
- ⁴⁷ Там же. № 994. Л. 60 об.
- ⁴⁸ См.: Записки Я. Штелина об изящных искусствах в России. 4.1. С. 305. Имеется точка зрения, что под именем Мизере скрывался тот же Я. Штелин (см.: Горбатенко С.Б. Усадьбы петровского времени в окрестностях Ораниенбаума // Петровское время в лицах. Краткое содержание докладов науч. чтений памяти А.Д. Меншикова. СПб., 1998. С. 10).
- ⁴⁹ Ссылки на намерения следовать согласно петровским «проектам» см.: ПСЗ. Т. XV. № 11395, 11489. О подражании Петру I см, также: Мыльников Л.С. «Он не был похож на государя...» Петр III: повествование в документах и версиях. СПб., 2001. С. 172, 174.
- ⁵⁰ См.: Семевский М.П. Шесть месяцев из русской истории. Очерк царствования императора Петра III // 03. 1867. № 15. С. 590-594.
- ⁵¹ См.: Дневник курского помещика И.П. Анненкова // Материалы по истории СССР. М., 1957. Т. 5. С. 786.
- ⁵² См.: Записки Штелина о Петре Третьем, императоре всероссийском. С. 102-103.
- ⁵³ См.: Там же. С. 103.
- ⁵⁴ См.: Русский двор в 1761 г. С. 194.
- ⁵⁵ См.: Дневник статского советника Мизере о службе при Петре III // РА. 1911. № 5. С. 14-15.
- ⁵⁶ См.: Мордвинов С.И. Родословие фамилии адмирала Мордвинова // Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т. 2. С. 43.
- ⁵⁷ См.: Дневник статского советника Мизере о службе при Петре III. С. 17.
- ⁵⁸ См.: АКВ. Кн. 29. С. 458.
- ⁵⁹ См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 752. Л. 3, 9-12.
- ⁶⁰ См.: Там же. Ф. 16. Оп. 1. № 168. Ч. 2. Л. 90; Ф. 1239. Оп. 3. № 30716. Л. 4; № 33172. Л. 2-3. Постоянно жаловавшийся на бедность канцлер, однако, как честный человек, ежегодно высылал 12 тысяч ливров на содержание своей старой подруге в Париж (см.: Верещагин В. Русские в Париже при Людовике XV // Русский библиофил. 1916. № 3, С. 73.).
- ⁶¹ См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 318. Л.3.
- ⁶² См.: Кричевцев М.В. Кабинет Елизаветы Петровны и Петра III. Новосибирск, 1993. С. 74-75.
- ⁶³ См. АКВ Кн. 7 С. 549.
- ⁶⁴ См.: АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. № 1493. Л. 13,141.
- ⁶⁵ См.: РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. № 63. Л.1.
- ⁶⁶ Подсчитано нами по: Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809.

- ⁶⁷ См.: АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. № 23. Л. 206-208 (сборник копий именных указов Петра III).
- ⁶⁸ См.: *Мордвинов С.И.* Указ. соч. С. 42.
- ⁶⁹ См.: Сб. РИО. Т. 18. С. 203; *Шумигорский Е.С.* Донесения датского посла Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 г. // РС. 1915. № 5. С. 296.
- ⁷⁰ См.: *Румянцева М.Ф.* Российское законодательство второй половины XVIII в.: опыт анализа вида исторических источников // Постигая историю России: К 50-летию научного студенческого кружка отечественной истории средневековья и нового времени. М., 1997. С. 129.
- ⁷¹ См.: Рубинштейн Н.А. Уложенная комиссия 1754-1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» // ИЗ. 1951. Т. 38. С. 239-240. Потомки Д.В. Волкова уверяли, что располагают его собственноручным черновиком текста манифеста о вольности дворянства, но так и не смогли его обнаружить (см.: Рудаков С.А. Д.В. Волков // РС. 1874. № 1. С. 170.).
- ⁷² См.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 507. Л. 287-288, 293-297, 222-224, 323-323 об., 368-368 об., 644-645.
- ⁷³ См.: ПСЗ. Т. XV. № 11445. Через неделю после выхода манифеста сенаторы распорядились переместить штатных сотрудников Тайной канцелярии в прежнем составе и с прежним жалованием на новое место службы - в Тайную экспедицию при Сенате (см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. № 1730. Л. 31 об.). Петр сам 7 февраля 1762 г. объявил Сенату о создании Тайной экспедиции (см.: Самойлов В. Возникновение Тайной экспедиции при Сенате // ВИ. 1948. № 6. С. 80).
- ⁷⁴ См.: *Комиссаренко А.И.* Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. (очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). М., 1990. С. 109-110.
- ⁷⁵ См.: РГАДА. Ф. 168. Оп. 1. № 20. Л.3 об.-5.
- ⁷⁶ См.: Сенатский архив. Т. 12. С. 144, 151-156, 169-170.
- ⁷⁷ См.: ПСЗ.Т.XV. № 11558.
- ⁷⁸ См.: Указ Петра III Святейшему Синоду о соблюдении правосудия // РС. 1872. № 11. С. 567-568.
- ⁷⁹ См.: Сб. РИО. Т.18. С. 369-372, 432-433, 449, 465.
- ⁸⁰ См.: Там же. Т. 12. С. 9-10; Наумов В.П. Некоторые особенности источниковедческого анализа дипломатических реляций XVIII в. // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Отговича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 147.
- ⁸¹ См.: АКВ. Кн. 7. С.547-548. В архиве Коллегии иностранных дел имеются и сам доклад, и неопубликованные приложения-«артикулы» об отношениях России со всеми сопредельными странами (см.: АВПРИ. Ф. 2. ОП. 2/1. № 29. Л. 87-101 и далее).
- ⁸² Цит. по: *Рудаков С.А.* Д.В. Волков, секретарь Петра III: Материалы к его биографии // РС. 1874. № 11. С. 482.
- ⁸³ См.: *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874. Т. 1. С. 308; АВПРИ. Ф. 53. Оп. 53/1. 1762 г. № 2. Л.19.
- ⁸⁴ См.: РГВИА. Ф. 39. Оп. 1/19. № 376. Л. 3-3 об., 11-13 об.,32 об.
- ⁸⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. № 25. Л. 470, 497 об., 505-506.
- ⁸⁶ См.: *Тимирязев В.А.* Шестимесячное царствование Петра III // ИВ. 1903. № 4. С. 48; *Corbett J.* England in the Seven Years War. Lnd., 1992. Vol. 2. P. 327.
- ⁸⁷ См.: Сб. РИО. Т. 18. С. 230, 269-270.
- ⁸⁸ См.: АВПРИ. Ф. 32. Оп. 32/6. № 30. Л. 61-61 об.; Ф. 33. Оп. 33/2. № 7. Л. 105 об. - 106, 113.
- ⁸⁹ См.: Там же. Ф. 2. Оп. 2/1. № 107. Л. 123.
- ⁹⁰ См.: Там же. Ф.33. Оп.33/2. № 7. Л. 125.
- ⁹¹ См.: Там же. Ф. 53. Оп. 53/1. 1762 г. № 3. Л. 31, 40, 55-57, 62.
- ⁹² См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 752. Л. 5 об.-7 об.
- ⁹³ См.: РГВИА. Ф. 39. Оп. 1/79. № 372. Л. 185 и далее.
- ⁹⁴ См.: 200-летие Кабинета его императорского величества, 1704-1904. СПб., 1911. С. 347-348; *Кричевцев М.В.* Указ. соч. С. 70.
- ⁹⁵ См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 52370. Л. 1 об.-6.
- ⁹⁶ См.: 200-летие Кабинета его императорского величества, 1704-1904. С. 398.
- ⁹⁷ См.: РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч.1. № 6172. Л. 1,33.
- ⁹⁸ См.: *Кричевцев М. В.* Указ. соч. С.56, 63, 70; РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 45. Л. 5.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 14. Оп. 1. № 202. Л. 81.
- ¹⁰⁰ См.: Там же. № 31. Ч. 1. Л. 51-54. К императору перешла традиция выплаты различных пособий и «пенсионеров» из кабинетских доходов. Например, царь из личных средств выдал 2 тысяч рублей на богадельню, 300 рублей капитану гвардии М.И. Дашкову, 1 тысяча рублей — сержанту Лейб-кампании И. Елчанинову, а также небольшие суммы отставным гвардейцам, кадетам, придворным служителям (см.: Там же. № 31. Л. 46-63).
- ¹⁰¹ См.: РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 47. Ч.4. Л. 51-101, 207.
- ¹⁰² См.: Рассказ императрицы Екатерины II о первых пяти годах ее царствования // РА. 1865. № 4. С. 491-492.

- ¹⁰³ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. № 1730. Л. 23, 36, 52 об.-53.
- ¹⁰⁴ См.: ПСПРВПИ. СПб., 1912. Т.4. С. 545-546.
- ¹⁰⁵ См.: 200-летие Кабинета его императорского величества, 1704-1904. С. 350; *Кричевцев М.В.* Указ. соч. С. 70-71.
- ¹⁰⁶ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. № 1730. Л. 56.
- ¹⁰⁷ См.: 200-летие Кабинета его императорского величества, 1704-1904. С. 350; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. № 1730. Л. 57, 61, 63 об. О плане Шувалова см.: *Юхт Л.И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 131-134, 137. Для изыскания средств на войну Сенат приказал в мае прекратить все «сверхштатные» расходы (см.: РГАДА. Ф. 203. Оп. 1. № 1. Л. 17-17 об.).
- ¹⁰⁸ См.: Там же. Ф. 178. Оп. 1. № 27. Л. 171, 177-178, 182 об.-183, 200-201.
- ¹⁰⁹ См.: *Масловский Д.Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1891. Вып. 3. Приложение. С. 222-225. Инструкции Корфу см.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн. XIII. С. 37-38; АВПРИ. Ф. 53. Оп. 53/1. 1762 г. № 2. Л. 89.
- ¹¹⁰ См.: РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. № 27. Л. 211-214.
- ¹¹¹ Копии этого доклада см.: АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. № 810. Л. 95-100; РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 44. Л. 15-21; Ф. 1261. Оп.1. № 383. Л. 1-6.
- ¹¹² См.: 200-летие Кабинета его императорского величества, 1704-1904. С. 357-358.
- ¹¹³ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. № 1730. Л. 114.
- ¹¹⁴ См.: Там же. Ф. 203. Оп. 1. № 1. Л. 182 об., 196, 203.
- ¹¹⁵ См.: *Щебальский П.К.* Указ. соч. С. 180-181; РГВИА. Ф. 39. Оп. 1/79. № 376. Л. 47-49, 56-57, 65-68, 70.
- ¹¹⁶ См.: *Тимирязев В.А.* Указ. соч. С. 54.
- ¹¹⁷ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. № 3431. Л. 78.
- ¹¹⁸ См.: ПСЗ. Т. XV. № 11581.
- ¹¹⁹ 27 июня Петр III повелел заложить 9 новых кораблей для кампании 1763 г. (см.: Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Т. 11. С. 24).
- ¹²⁰ См.: ПСЗ. Т. XV. № 11581; РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. № 27. Л. 295, 302-302 об., 304-305; Ф. 203. Оп. 1. № 1. Л. 11 об., 77-78.
- ¹²¹ См.: *Екатерина // Записки.* С. 562; Сб. РИО. Т. 18. С.466.
- ¹²² См.: *Майков Л.Н.* Рассказ графа Н. И. Панина о восшествии императрицы Екатерины II на престол // РА. 1879. № 3. С. 364.
- ¹²³ См.: Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России / Под ред. С.С. Дмитриева. М., 1991. С. 65, 72.
- ¹²⁴ См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 43. Л. 39.
- ¹²⁵ См.: *Ибнеева Г.В.* Политические группировки при восшествии на престол Екатерины II. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Казань, 1994. С. 12.
- ¹²⁶ См.: *Бильбасов В.А.* История Екатерины II. Т. 1. С. 474; Т. 2. С. 20; *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 1999. С. 41.
- ¹²⁷ См.: *Мыльников А.С.* «Он не был похож на государя...» С. 270.
- ¹²⁸ См.: *Екатерина II.* Записки. С. 505-506.
- ¹²⁹ См.: *Ассбург А.Ф.* Записка о воцарении Екатерины II // РА. 1879. № 3. С. 364.
- ¹³⁰ См.: Дворцовые перевороты в России 1725-1825. С. 299.
- ¹³¹ *Рюльер К.-К.* История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 283, 285.
- ¹³² См.: Записки княгини Дашковой. С.61, 65, 69-70, 72.
- ¹³³ В литературе встречаются утверждения о том, что Орловы служили в Преображенском полку (см.: *Кабанов В.В.* Орловы. Историческая хроника. М., 1997. С. 12; Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1904. Т. 2. С. 24). Братья дружно вступили в ряды гвардии в 1749 г. Однако в Преображенском полку служил только старший из них, Иван, который дослужился к 1756 г. до сержанта, но уже в 1761 г. числился «в отпуску» (см.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 439. Л. 17 об; № 488. Л. 23.). Григорий и Алексей Орловы с 1749 г. состояли сверхкомплектными рядовыми не в Преображенском, а в Семеновском полку и к 1756 г. также дослужились до сержантского чина (см.: РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 526. Л. 41 об.).
- ¹³⁴ См.: *Храповицкий А.В.* Памятные записки. М., 1990. С. 152. С.М. Троицкий ошибочно указывал на 27 солдат-гвардейцев, которые получили в 1765 г. к очередной годовщине «революции» особые награды в 4 тысячи рублей. На самом деле эти деньги достались главным действующим лицам — гвардейским офицерам во главе с братьями Орловыми (см.: *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 240. Ср.: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. № 6. Л. 535-536).
- ¹³⁵ См.: Записки княгини Дашковой. С. 71, 77.
- ¹³⁶ См.: *Конопчинский В.* Два политических письма Екатерины II // РС. 1912. № 3. С. 631.
- ¹³⁷ *Болотов А. Т.* Записки, 1737-1796. В 2-х т. Тула, 1988. Т. 1. С. 361.

- ¹³⁸ Д.А. Корсаков отмечал среди «людей 28 июня 1762 г.» прямых потомков и родственников как «верховников», так и тех, кто подписывал тридцать лет назад дворянские «прожекты»; однако он же признал, что все предположения о «серьезных побуждениях» гвардейцев не более чем «домыслы» (см.: *Корсаков Д.А. Странники воцарения Екатерины II // ИВ. 1884. № 2. С. 233, 248, 252-255).*
- ¹³⁹ См.: Записки княгини Дашковой. С.71.
- ¹⁴⁰ *Болотов А.Т. Записки, 1737-1796: Т. 1. С. 361.*
- ¹⁴¹ См.: *Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999. С. 140-144.*
- ¹⁴² См.: *Коваленко Т. А. Менталитет русского дворянства в контексте культуры середины XVIII в. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1999. С. 21.*
- ¹⁴³ См.: *Севастьянов А.Н. Рост образования аудитории как фактора развития книжного и журнального дела в России (1762-1800). М., 1983. С. 3-4, 18, 20; Тюличев Д.В. Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М.В. Ломоносов. Л., 1988. С.172. Этот процесс затронул и гвардию: курский помещик И.П. Анненков систематически покупал книги и газеты для себя и сыновей, служивших в Измайловском полку (см.: *Дневник курского помещика И.П. Анненкова. С. 780-790).**
- ¹⁴⁴ См.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 506, 529.
- ¹⁴⁵ Мнение бывшего императора Петра III // РА. 1871. № 12. С. 2055.
- ¹⁴⁶ См.: *Лазаревский А. Похождения известных петербургских действ //Осмнадцатый век. М., 1869. Кн. II. С.633; Хаханов А.С. Записка современника, грузинского архиерея, о вступлении на престол императрицы Екатерины II//ЧОИДР. 1900. Кн.4. С. 17 отд. паг.; Россия и Испания: Документы и материалы. В 2-х т. М., 1991. Т. 1. С. 184-185.*
- ¹⁴⁷ Сб. РИО. Т. 18. С. 466.
- ¹⁴⁸ См.: *Семевский М.И. Шесть месяцев из русской истории: Очерк царствования императора Петра III//ОЗ. 1867. № 16. С. 741-743.*
- ¹⁴⁹ См.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 492. Л. 3-4, 24, 41; Ф. 2584. Оп. 1. № 633. Л. 77, 94, 113 об.
- ¹⁵⁰ См.: Там же. Л. 1-15.
- ¹⁵¹ См.: Там же. Ф. 2583. Оп. 1. № 510. Л. 3-3 об., 7-9 об. Не имевшие возможности «построить» богатые мундиры обращались за помощью или вынуждены были покинуть полк (см.: 200-летие Кабинета его императорского величества, 1704-1904. С. 353.).
- ¹⁵² Записки Штелина о Петре Третьем, императоре всероссийском. С. 106.
- ¹⁵³ См.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 492. Л. 67.
- ¹⁵⁴ См.: Там же. Ф. 2. Оп. 10. № 853. Л. 342, 381; Оп. 13. № 47. Л. 275,345.
- ¹⁵⁵ См.: Там же. Ф. 53. Оп. 1. № 3. Л. 136-138.
- ¹⁵⁶ См.: *Егоров В.И. Униформа шлезвиг-голландских войск Петра III (по материалам РГВИА). Дипломная работа /МГИИИ. М., 2002 (рукопись). С. 15, 35.*
- ¹⁵⁷ См.: *Позье И. Записки придворного брильянтика // РС. 1870. № 2. С. 96-97; Сиверс Д. Записки // РА. 1909. № 7. С. 521.*
- ¹⁵⁸ См.: РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. № 27. Л. 272-273, 295, 302-306, 322.
- ¹⁵⁹ См.: *Бильбасов В.А. История Екатерины II. Т.2. С. 16-17. К сожалению, ссылка в труде Бильбасова на архивное дело с этим указом из фонда Сената не поддается проверке.*
- ¹⁶⁰ А.А. Васильчиков выяснил, что в документах Академии наук нет никаких сведений о печатании манифеста, но отметил рассказ об этой подпольной «операции» А. Шлецера. В.А. Бильбасов указал на разночтения в трех вариантах манифеста от 28 июня (см: *Бильбасов В.А. История Екатерины II. Т.2. С. 97-98; Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т.1. С. 297-298).*
- ¹⁶¹ См.: *Плугин В.А. Алехан или человек со шрамом: Жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского. М., 1996. С. 45-49; Сашонко В. Граф ниоткуда или флибустьер в желтых перчатках // Нева. 1993. № 7. С.316.*
- ¹⁶² А. М Тургенев в своих записках назвал знаменитого комедианта «секретным деловым человеком» императрицы, получившим от нее пожизненное содержание и право входа без доклада (см.: *Записки А.М. Тургенева // РС. 1887. № 1. С. 83-84).*
- ¹⁶³ Последняя научная биография Теплова не содержит, к сожалению, ничего нового по данному вопросу (см.: *Daniel W. Grigoriï Teplov: a Statesman at the Court of Catherine the Great. Newtonville, 1991).*
- ¹⁶⁴ Цит. по: *Безобразов П.В. О сношениях России и Франции. СПб., 1892. С. 265.*
- ¹⁶⁵ См.: *Бильбасов В.А. История Екатерины II. Т. I. С. 470.*
- ¹⁶⁶ См.: Сб. РИО. Т. 7. С. 109-110, 112; Сенатский архив. СПб., 1910. Т. 14. С. 101; Т. 15. С. 513.
- ¹⁶⁷ См.: *Бильбасов В.А. История Екатерины II. Т. 2. С. 20-77; Мыльников А.С. «Он не был похож на государя...» С. 270-284.*
- ¹⁶⁸ О событиях утра 28 июня в Петербурге см.: *Бильбасов В.А. История Екатерины II. Т. 2. С. 24-30.*
- ¹⁶⁹ См.: РГАДА. Ф.3. Оп. 1. № 14. Л.1.

- ¹⁷⁰ См.: *Шубинский С.Н.* Очерки из жизни и быта прошлого времени. СПб., 1888. С.151. «Семейные предания» сообщают и о других оставшихся верными присяге офицерах Преображенского полка — например, И.А. Долгорукове и П.И. Измайлове (см.: *Бороздин К.* Опыт исторического родословия Измайловых. СПб., 1841. САЗ, *Долгорукий А.В., Шпилевская Н.С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. СПб., 1869. 4.1. С. 153). С другой стороны, иногда эти же предания оказываются недостоверными — как, например, утверждение А.С. Пушкина о верности Петру III его деда, майора Л.А. Пушкина (см. : *Романюк С.А.* К биографии родных Пушкина // *Временник пушкинской комиссии.* Л., 1989. Вып. 23. С. 9-10).
- ¹⁷¹ См.: АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. № 501. Л. 348 об. Есть свидетельство, что гетман уехал из Петергофа «27 числа в ночи», бросив жену и дочь (*Лазаревский А.* Похождения известных петербургских действ. С. 631).
- ¹⁷² См.: Россия и Испания: Документы и материалы: Т. 1. С. 183-184.
- ¹⁷³ См.: *Ассбург А.Ф.* Указ. соч. С. 366.
- ¹⁷⁴ См.: *Богданов А.И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его в 1703 по 1751 год. СПб., 1779. С. 485-486.
- ¹⁷⁵ В 1825 г. декабристы накануне восстания обсуждали подобный вариант действий: восставшие части должны были двигаться от казармы к казарме и увлекать своим примером других (см.: *Гордун Я. А.* Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С. 126-127).
- ¹⁷⁶ См.: *Брикнер А.Г.* Первые годы царствования Екатерины II (по депешам голландского резидента Мейнерцагена) // ИВ. 1884. № 10. С.8; Дворцовые перевороты в России 1725-1825. С.318, 349; Записки Штелина о Петре Третьем, императоре всероссийском. С. 108.
- ¹⁷⁷ См.: Автобиография С.Р. Воронцова // РА. 1876. № 1. С. 35-36; *Державин Г.Р.* Избр. проза. М., 1984. С. 35.
- ¹⁷⁸ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. № 3431. Л. 199-203.
- ¹⁷⁹ Заметки Трубецкого в календаре в 1762 году // РС. 1892. № 2. С.446.
- ¹⁸⁰ См.: РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. № 853. Л. 631-642.
- ¹⁸¹ См.: АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/2. № 1. Л. 336.
- ¹⁸² См.: РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. № 27. Л. 333-336.
- ¹⁸³ См.: Там же. Ф. 248. Оп. 113. № 700. Л. 3-5. Неспособность императора к сопротивлению привела к деморализации его окружения, многие из которого стремились любой ценой покинуть проигравшего государя. Вельможи (М. И. Воронцов, А. И. Шувалов, Н.Ю. Трубецкой) отбыли в столицу под предлогом разведки и «уговоров» Екатерины, мелкие сошки просто разбежались. Так, чиновник Мануфактур-коллегии Александр Трескин в письме к «кумушке» рассказывал, как «от тамошнего ранинбовского страху уехал на одной рыбацкй лотке» в Петергоф для «поклонения» новой императрице, где и был взят под стражу (см.: РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. № 15. Л. 1).
- ¹⁸⁴ Английский посол Д. Бэкингам был уверен, что ближайшие к императору люди — Д. В. Волков и А.П. Мельгунов — были подкуплены и сознательно «тянули время, составляя и отправляя прокламации, которые они предлагали отослать в Петербург» (см.: *Соколов А. Б.* Английский дипломат о политике и дворе Екатерины II // ВИ. 1999. № 4-5. С. 120-121).
- ¹⁸⁵ См.: РГАДА. Ф.248. Оп. 113. № 712. Л. 3. Подлинник «отречения» нам до сих пор неизвестен.
- ¹⁸⁶ Текст депеши Гольца от 2 июля 1762 г. цитируется нами по: *Бильбасов В.А.* Исторические монографии. Т. 3. С. 135. См. также: Донесение прусского посланника Гольца Фридриху Второму о восшествии на престол Екатерины // РА. 1898. № 1. С. 23.
- ¹⁸⁷ Предположения по этому поводу см.: *Мыльников А.С.* «Он не был похож на государя...» С. 281-284.
- ¹⁸⁸ См.: *Иванов О.* Загадки писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995. № 9. С. 18; № 11. С. 17.
- ¹⁸⁹ См.: *Семенов П.Н.* Биографические очерки сенаторов по материалам, собранным П.И. Барановым // ЧОИДР. 1886. Кн. 2. С. 19 отд. паг.
- ¹⁹⁰ Забавную попытку «реабилитировать» Орлова в качестве раскаявшегося участника «пьяной нежданной драки» см.: *Плугин В.А.* Указ. соч. С. 125. Наиболее аргументированную на сегодняшний день версию о заговоре и фальсификации знаменитого письма А.Г. Орлова об убийстве Петра III см.: *Иванов О.* Загадки писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995. № 9, 11-12; 1996. № 2-3.
- ¹⁹¹ Цит. по: *Бильбасов В.А.* История Екатерины II. Т.2. С. 84-91.